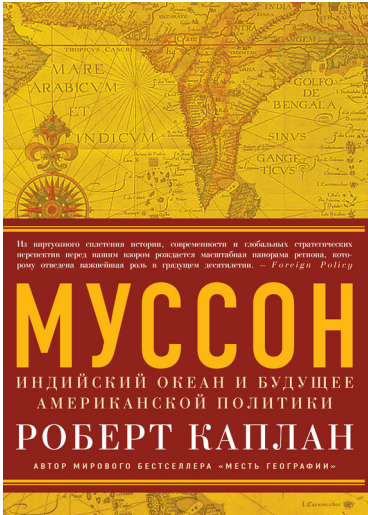

Роберт Д. Каплан

Муссон. Индийский океан и будущее американской политики

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17033413

Муссон. Индийский океан и будущее американской политики: КоЛибри, Азбука-Аттикус; М.; 2016

ISBN 978-5-389-10847-9

Аннотация

По мере укрепления и выхода США на мировую арену первоначальной проекцией их интересов были Европа и Восточная Азия. В течение XX века США вели войны, горячие и холодные, чтобы предотвратить попадание этих жизненно важных регионов под власть «враждебных сил». Со времени окончания холодной войны и с особой интенсивностью после событий 11 сентября внимание Америки сосредоточивается на Ближнем Востоке, Южной и Юго Восточной Азии, а также на западных тихоокеанских просторах.

Перемещаясь по часовой стрелке от Омана в зоне Персидского залива, Роберт Каплан посещает Пакистан, Индию, Бангладеш, Шри-Ланку, Мьянму (ранее Бирму) и Индонезию. Свое путешествие он заканчивает на Занзибаре у берегов Восточной Африки. Описывая «новую Большую Игру», которая разворачивается в Индийском океане, Каплан отмечает, что основная ответственность за приведение этой игры в движение лежит на Китае.

«Регион Индийского океана – не просто наводящая на раздумья географическая область. Это доминанта, поскольку именно там наиболее наглядно ислам сочетается с глобальной энергетической политикой, формируя многослойный и многополюсный мир, стоящий над газетными заголовками, посвященными Ирану и Афганистану, и делающая очевидной важность военно-морского флота как такового. Это доминанта еще и потому, что только там возможно увидеть мир, каков он есть, в его новейших и одновременно очень традиционных рамках, вполне себе гармоничный мир, не имеющий надобности в слабенькой успокоительной пилюле, именуемой “глобализацией”».

Роберт Каплан

Содержание

Предисловие Евразийская кайма	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Часть вторая	18
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Роберт Каплан

Муссон. Индийский океан и будущее американской политики

© Robert D. Kaplan, 2010

© Александровский С., перевод на русский язык, 2015

Maps copyright

©2010 by David Lindroth Inc.

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015

КоЛибри®

* * *

Посвящается Грэнвиллу Байфорду

Постепенно, неотвратимо, коренным образом... изменяется ныне удельная мощь различных цивилизаций, и могущество Запада сравнительно с могуществом иных цивилизаций будет и в дальнейшем идти на убыль.

Сэмюэл П. Хантингтон. Столкновение цивилизаций и передел миропорядка (1996)

Предисловие Евразийская кайма

Весь XX в. определялся очертаниями Европы на географической карте. От сражений близ Ипра в 1915-м до высадки союзников на французском побережье в 1944-м, до Берлинской стены и сожженных косовских деревень; от Долгой Европейской войны, тянувшейся с 1914-го по 1989-й, до последующих кровавых ее отголосков Европа была средоточием всемирной истории. Безусловно, и в иных краях возникали судьбоносные движения, происходили судьбоносные события. И все же великая политическая борьба за власть, которая шла со времени, когда рухнули империи Старого Света, и в течение всего противостояния между Соединенными Штатами и Советским Союзом гораздо больше касалась Европы, чем иных регионов.

Осмелюсь утверждать, что побережья Индийского океана и его северные воды, простирающиеся от Африканского Рога (Сомали) мимо Аравийского полуострова, Иранского нагорья и полуострова Индостан до самого Индонезийского архипелага и далее, способны стать на географической карте века нынешнего не менее влиятельной областью, чем была Европа на карте века минувшего. Будем надеяться, XXI в. не окажется столь же кровопролитным, сколь XX, но в известной степени его география может кое о чем напомнить. На этой евразийской кайме – прибрежной Ойкумене средневекового мусульманского мира, за которой искони и пристально следил Китай, – мы видим напряженный диалог между западной и исламской цивилизациями, узлы всемирных нефтяных путей. А также спокойный и, по-видимому, неотвратимый подъем Индии и Китая, стремящихся властвовать на суше и на море. Ибо, по сути, вмешательство США в дела Ирака и Афганистана лишь подстегнуло и ускорило наступление Азиатского столетия: не только с точки зрения экономической – это известно каждому, – но и с точки зрения военной.

В последнее время кровопролитные сухопутные войны заслонили от нас важность морей и прилегающих к ним побережий, через которые главным образом осуществляется торговля и вдоль которых расселилась большая часть человечества. Следовательно, дела военные и торговые станут вершиться в грядущем именно там, где вершились они и в прошлом.

Именно в приморских областях всемирно важные вопросы – прирост населения, климатические перемены, подъем уровня моря, нехватка пресной воды, политика экстремизма – а на эту последнюю влияют все прочие перечисленные факторы! – приобретают живое географическое обличье. В XXI в. пространство, которое британский историк Ч. Р. Боксер назвал Муссонной Азией, область, где сливаются Индийский и западный Тихий океаны, демографически и стратегически превратится в своеобразный «пуп земли» [1]¹.

Полтысячи лет тому назад вопреки бурям и цинге Васко да Гама обогнул Африку и пересек Индийский океан, чтобы достичь Индостана. Об этом выдающемся историческом событии португальский поэт Луис де Камознс (XVI в.) писал: «Вот берег, что сквозь слезы и туман / Сиял вам в ваших грезах просветленных...»² [2].

Да Гама прибыл в Индию – и Запад начал утверждаться в Азии. Португальское морское владычество сменилось в последующие эпохи засильем иных западных держав: Голландии, Франции, Великобритании; затем настал черед Соединенных Штатов. Ныне, когда Китай соревнуется с Индией, стремясь обладать портами и удобными магистралями на евразий-

¹ Здесь и далее цифры в квадратных скобках отсылают к разделу «Примечания» в конце книги.

² *Камознс Л.* Сонеты. Лузиады. М.: Эксмо-Пресс, 1999. Перевод с португальского Ольги Овчаренко под ред. Валерия Столбова. Поэма «Лузиады» здесь и далее цитируется в указанном переводе за исключением случаев, воспроизводящих авторское цитирование английского издания поэмы. – *Прим. ред.*

ской береговой кайме, а будущая численность и сила американского военно-морского флота остаются неопределенными из-за экономических затруднений и обременительных расходов на сухопутные войны, возможно, пятисотлетняя глава, повествующая о западном господстве, постепенно близится к концу.

Эта постепенная «смена власти» не могла возникнуть в более смутные времена для земель, сопредельных двум половинам Индийского океана – Аравийскому морю и Бенгальскому заливу: к северу от Аравийского моря тянется Пакистан, к северу от Бенгальского залива расположена Бирма. В этих стратегически важных странах положение неустойчиво, а население многочисленно. Как правило, аналитики не относят Пакистан и Бирму к одной категории, а напрасно. Далее, разумеется, следует подумать о политическом будущем всего исламского мира – от Сомали до Индонезии.

Помимо близости и выхода к Индийскому океану множество подобных земель отличается слабостью государственных учреждений и шаткими инфраструктурами, а их неспокойное молодое население искушается экстремизмом. И все же будущее принадлежит этим народам в гораздо большей степени, чем стареющим народам Запада.

Как заметил однажды бельгийский ученый Шарль Ферлинден, Индийский океан «... окружен по крайней мере тридцатью семью странами, где обитает не менее трети всего человечества». Эти страны тянутся вдоль широт более чем на 80°, а по меридианам – более чем на 100° [3]. Я могу посетить лишь несколько мест на побережье Индийского океана и посмотреть, что там творится сегодня, чтобы в дальнейшем расцветить красками большее полотно и показать, как выглядит при ближайшем рассмотрении мир, в котором нет сверхдержавы.

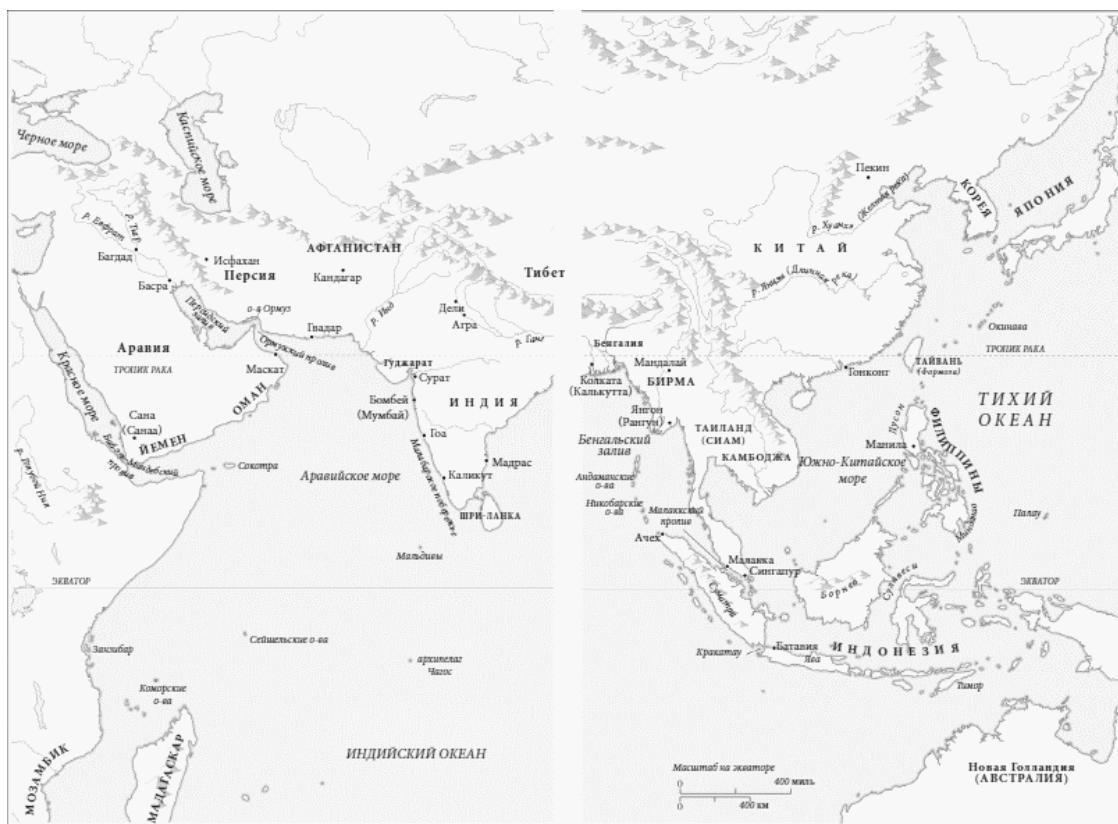
Регион Индийского океана – не просто наводящая на раздумья географическая область. Это *идея*, поскольку там наглядно и поучительно является взорам ислам и там же исламский централизм сочетается с глобальной энергетической политикой, делая очевидной важность военно-морского флота как такового, чтобы показать нам многослойный и многополюсный мир, стоящий над газетными заголовками касательно Ирана и Афганистана... Это *идея*, поскольку там возможно увидеть мир, каков он есть, в его новейших и одновременно очень старых рамках, со всеми исконными традициями и свойствами, – вполне завершённый мир, не имеющий надобности в слабенькой успокоительной пилюле, именуемой «глобализацией».

Наша книга начинается общим стратегическим обзором региона. Затем я двинусь вдоль всего великого побережья. Главной точкой отсчета станет Оман, где я рассмотрю и средневековую историю океана, и наследие первой проникшей туда западной державы – Португалии. Там же я буду размышлять над вековым родством пустынь и морей, над тем, как воды и пески выводят людей на различные политические тропы. Затем уделю пристальное внимание обширным китайским проектам портового строительства в самых средоточиях пакистанского регионального сепаратизма и этническому соперничеству в Шри-Ланке. В Бангладеш я напишу о взаимосвязи климатических перемен и предельной бедности с исламским радикализмом. В Индии сосредоточусь на экстремизме, который преодолевают экономической и общественной гибкостью и подвижностью. В Бирме составлю отчет о столкновении между Индией и Китаем из-за местности опустошенной, однако по-прежнему богатой природными ресурсами; а также о сложных задачах, возникающих из-за этого конфликта перед западными державами, в частности Соединенными Штатами. В Индонезии я изучу связь демократии с гудящим от напряжения синкретическим исламом, столь отличающимся от ислама в Пакистане или Бангладеш – ибо, как я понял, во многих подобных местах ислам разумнее изучать на фоне окружающего ландшафта и определенных исторических обстоятельств. Наконец, я рассмотрю китайскую морскую экспансию, берущую начало на северо-восточной оконечности Индийского океана, а на северо-западной – осторожно погляжу на африканское обновление сквозь призму Занзибара. Везде и всюду

я попытаюсь описать бесконечные потоки исторических изменений и то, как они «обтачивают» нынешний век, меняя его черты. Именно хитросплетение трудностей, преодолеваемых повсеместно: в религии, экономике, политике, охране окружающей среды, – в гораздо большей мере, чем каждая из этих трудностей, взятая отдельно! – и порождает драму.

Муссон, о котором я веду речь, – не просто сезонный штормовой ветер (иногда – скажем, в английском лексиконе – это слово так и толкуется); муссон еще и жизнеутверждающее, благотворное климатическое явление, на протяжении столетий остающееся жизненно необходимым для торговли, глобализации, единства и прогресса. Муссон есть Природа с прописной буквы, зрелище мятущихся стихий. Он вызывает мысли о влиянии природной среды на человечество, обитающее в условиях все усугубляющегося перенаселения и общественной неустойчивости, – возьмите, например, такие страны, как Индонезия и Бангладеш. В мире, где все тесно сплетено и связано, способность США уяснить, что значит «муссон» в широком смысле, и признать его многообразные последствия поможет определить и грядущую участь Америки, и судьбы Запада в целом. Индийский океан, видимо, и есть то самое важнейшее место, где следует помедлить и поразмыслить о будущем американского могущества.

Часть первая

Глава 1 Китай: экспансия «по вертикали»; Индия: экспансия «по горизонтали»

Аль-Бахр-аль-Хинди – так назывался этот океан в древних арабских трактатах о мореходстве. Индийский океан и водные потоки, впадающие в него, поныне хранят привкус той великой, стремившейся поглотить все, исламской волны, что распространилась от Красного моря через меридианы к Индии, достигла Индонезии и Малайзии. Карта этих вод исключительно важна для исторического понимания ислама. Ее география охватывает, если двигаться с запада на восток, Красное море, Аравийское море, Бенгальский залив, Яванское и Южно-Китайское моря. Здесь обитают народы Африканского Рога, изнемогающие от насилия и голода; здесь бросают геополитический вызов Ирак и Иран; здесь трещит по швам Пакистан – кипящий котел фундаментализма; здесь экономически поднимается Индия и шатко стоят на ногах ее соседи – Шри-Ланка и Бангладеш. Здесь и деспотическая Мьянма, известная также как Бирма (из-за нее назревает раздор между Индией и Китаем), и Таиланд – через который китайцы и японцы могут в нынешнем столетии проложить «канал финансирования», чтобы весы азиатской политики склонились в их сторону. Этот канал – всего лишь один из нескольких проектов, набрасываемых начерно. Задумывается постройка виадуков, нефте- и газопроводов, способных связать Индийский и западный Тихий океаны.

На западных берегах Индийского океана мы видим растущие и непредсказуемые восточноафриканские демократии, наравне с анархическим Сомали; а в 6500 км оттуда, на восточных побережьях, являет переменчивый, постфундаменталистский лик Индонезия,

самая густонаселенная из мусульманских стран. Присущего нашему безграничному миру духа, где борются различные цивилизации и раздаются нечленораздельные призывы к единству, – этого духа никакой отдельный образ не представит с такой полнотой, как географическая карта Индийского океана.

Вода не хранит исторических следов и ничего не сообщает потомству. Но уже то, что Индийский океан пересекали во всех направлениях вновь и вновь, делает его, по словам Сугаты Бозз, профессора истории Гарвардского университета, «символом всечеловеческой природы» [1]. Индийские и китайские, арабские и персидские торговые связи создали обширную сеть международных океанских маршрутов, с течением веков упрочившихся благодаря муссонным ветрам и – в случае с арабами, персами и другими мусульманами – странствовавшим паломникам, «хаджи» [2]. Это поистине всемирный океан, чьи берега служат родным домом для множества народов, населяющих быстро развивающийся «третий мир»; однако, в отличие от Атлантического и Тихоокеанского побережий, они не приютили ни одной сверхдержавы [3]. Полезно приглядеться внимательно, пишет Фарид Захария, именно к этим краям – «постамериканскому» миру, возникшему после холодной войны и конфликтов в Ираке и Афганистане [4]. Слова Редьярда Киплинга «За Суэц попасть хочу я» из стихотворения «Мандалай» (1890), где повествование начинается в бирманском Моламьяйне, у вод Бенгальского залива, ныне звучат особенно злободневно, хотя это понимают лишь немногие.

Военные карты времен холодной войны уделяли особое внимание Арктике, учитывая географию Советского Союза и расположение главных его портов. Так называемая война против терроризма, объявленная бывшим президентом США Джорджем Бушем-младшим, заставляла пристально изучать «Большой» Ближний Восток: Иран, Турцию, Афганистан, Пакистан и др. Геополитическая карта мира продолжает меняться. Маятник мирового кризиса имеет неограниченную амплитуду: всемирное потепление может и Арктику превратить в область раздора. Поскольку целая планета чересчур велика, чтобы сделаться предметом внимательного изучения, полезно хранить в памяти «избранные картографические участки», включающие в себя большинство «горячих точек». Не менее важно помнить о средоточиях терроризма, путях энергетических поставок, стихийных бедствиях, подобных цунами 2004 г. Словосочетания могут означать хорошее или плохое: «холодная война», «столкновение цивилизаций». То же самое относится и к географическим картам. Хорошая карта дает нам пространственный обзор всемирной политики, позволяющий делать выводы о грядущих тенденциях в развитии. Хотя финансовые и технологические достижения способствуют «глобальному» мышлению, мы по-прежнему «отданы на милость» географии – чему свидетельством искусственно возникшие Ирак и Пакистан.

Менее всех прочих народов об Индийском океане думают американцы, чье внимание, благодаря их собственным географическим обстоятельствам, сосредоточилось на океанах Атлантическом и Тихом. Вторая мировая и холодная войны утвердили американцев в этом заблуждении, поскольку нацистскую Германию, императорскую Японию, Советский Союз, Корею и коммунистический Китай привлекали атлантическая и тихоокеанская акватории. Это заблуждение отражается картографическими условностями: меркаторская проекция склонна размещать Западное полушарие посередине, так что Индийский океан зачастую «разрывается пополам» на противоположных краях карты. Но именно Индийскому океану посвятил Марко Поло в конце XIII в. почти всю свою книгу, написанную в странствиях от Явы и Суматры до Адена и Дофара (Оман). Здесь находится вся «исламская дуга» – от восточной оконечности Сахары до Индонезийского архипелага; следовательно, всю борьбу с терроризмом и анархией (включая пиратство) следует сосредоточить в этих обширных тропических водах, между Суэцким каналом и Юго-Восточной Азией. Литораль Индийского океана, в пределах которой расположены Сомали, Йемен, Саудовская Аравия, Ирак, Иран и

Пакистан, представляет собой истинную схематическую карту действий Аль-Каиды, а также разрозненных шаек, промышляющих поставками гашиша и тому подобной контрабанды. Иран предоставил членам ХАМАС'а удобную возможность добираться морем из Персидского залива до Судана, а затем пересекать Египет.

Здесь тянутся главные маршруты нефтеналивных судов и располагаются геостратегические точки торгового судоходства: Баб-эль-Мандебский пролив, Ормузд и Малакка. 40 % перевозимой по морю сырой нефти движется на одной оконечности океана сквозь Ормузский пролив. А на противоположной оконечности, в Малаккском проливе, сосредоточивается 50 % мирового торгового флота – и таким образом Индийский океан служит оживленнейшей и важнейшей морской магистралью. На протяжении всей истории морские магистрали были важнее сухопутных, пишет Фелипе Фернандес-Арместо, ученый из Тафтского университета (штат Массачусетс), поскольку по ним можно перевозить больше товаров с большей выгодой [5]. Морской шелковый путь, который в Средние века и на заре Нового времени вел из Венеции в Японию через Индийский океан, был так же важен, как и Великий шелковый путь, проложенный через Среднюю Азию. «Кто властвует над Малаккой, тот держит Венецию за горло», – гласила поговорка [6]. Другая поговорка говорила, что если земной шар – яйцо, то Ормузский пролив – желток [7].

И сегодня, в эпоху реактивных самолетов и электроники, 90 % мировой торговли осуществляется по морю; по морю же транспортируют и две трети потребляемой нефти. Глобализация в конечном счете полагается на грузовые трюмы и судовые контейнеры; а половина всех контейнеров переправляется по Индийскому океану. Более того, через побережье Индийского океана – от Среднего Востока до тихоокеанских вод – проходит 70 % нефти и нефтяных продуктов, потребляемых в мире [8]. Пути нефтеналивных судов, идущих по Индийскому океану от Персидского залива до Южной и Восточной Азии, оказываются «забиты», поскольку сотни миллионов индийцев и китайцев вливаются во всемирный «средний класс» и потребляют нефть в изобилии. Мировая потребность в энергии возрастет к 2030 г. на 50 %, и почти половина поставок придется на Индию и Китай [9]. Индия, которая вскоре станет четвертым по величине потребителем энергии после Соединенных Штатов, Китая и Японии, более чем на 90 % удовлетворяет свои энергетические нужды за счет нефти, причем 90 % этой нефти вскоре начнет поставляться из Персидского залива через Аравийское море³. К 2025 г. Индия обгонит Японию – третьего крупнейшего (после Соединенных Штатов и Китая) оптового импортера нефти [10]. А поскольку Индия должна удовлетворить нужды населения, которое к середине текущего столетия сделается самым большим в мире, государство собирается резко увеличить ввоз угля из Мозамбика, лежащего на юго-западном берегу Индийского океана, – помимо угля, ныне ввозимого из таких прибрежных стран, как Южная Африка, Индонезия и Австралия. При этом Индия продолжает импорт газа из Катара, Индонезии, Малайзии. Так можно отчасти вывести Африку из нищеты: не столько западными подачками, сколько устойчивой торговлей с богатеющими странами бывшего третьего мира.

Есть еще и Китай, где спрос на сырую нефть удвоился в период между 1995 и 2005 гг. и опять удвоится в следующие 10–20 лет. К 2020 г. Китай будет ежедневно ввозить 7,3 млн баррелей нефти – половину того, что предполагается добывать в Саудовской Аравии⁴.

³ Персидский залив содержит 57 % мировых нефтяных залежей. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. авт.*

⁴ В январе 2004 г. Китайская нефтехимическая корпорация подписала с Саудовской Аравией соглашение о разведке месторождений природного газа и его добыче на пространстве почти 4 млн га в южной пустыне Руб-эль-Хали. Поскольку для Китая, чья промышленность сжигает экологически вредное ископаемое топливо, загрязнение воздуха становится все более серьезной проблемой, Китай намерен использовать более чистый природный газ. См.: Kemp G. The East Moves West // National Interest. 2006. Summer. Но, как бы там ни было, китайское нефтяное потребление растет в семь раз быстрее, чем североамериканское. См.: Malik M. Energy Flows and Maritime Rivalries in the Indian Ocean Region. Honolulu: Asia-Pacific Center for Security Studies, 2008.

Свыше 85 % нефти, поступающей в Китай, пересечет просторы Индийского океана, минуя Малаккский пролив. Именно поэтому Китай отчаянно ищет иные энергетические пути через Тихий океан, а также сухопутные магистрали, что вели бы в Китай из Средней Азии, Пакистана и Бирмы [11]. Благодаря тому что у Китая, Японии и Южной Кореи разгорелся совокупный аппетит к добываемой в Персидском заливе нефти, через Малаккский пролив ныне движется половина всемирного нефтяного потока и едва ли не четверть объема мировой торговли нефтью [12].

«Никакому другому океану стратегическая устойчивость не требуется больше, чем Индийскому, потому что из всех “семи морей” он, видимо, больше всего отягощен ядерным оружием, – замечает военный аналитик Томас П. М. Барнетт. – Индийский океан бороздят корабли таких ядерных держав, как Соединенные Штаты, Соединенное Королевство, Франция, Россия, Китай, Индия, Пакистан и Израиль» [13].

Именно в Индийском океане тихоокеанское соперничество Соединенных Штатов и Китая переплетается с региональным соперничеством Китая и Индии, а также с американской борьбой против исламского терроризма на Среднем Востоке, включая попытки США обуздать Иран. Сплошь и рядом американские боевые корабли обстреливали Ирак и Афганистан, крейсируя в Индийском океане. Военно-воздушные силы США готовы к налету на Ирак и Афганистан со своих баз в Персидском заливе и с острова Диего-Гарсия, лежащего в самой середине Индийского океана. У каждого американского удара по Ирану, который неминуемо скажется на последующем нефтяном снабжении, будет один и тот же «служебный адрес отправителя»: Индийский океан. То же самое относится и к возможной реакции на общественные потрясения в Саудовской Аравии либо в кишасе людьми, измученном жаждой Йемене – истинной пороховой бочке, где обитает 22 млн человек и имеется 80 млн единиц огнестрельного оружия.

Новая военно-морская стратегия США, обнародованная в октябре 2007 г. в Нью-портском военно-морском колледже (Род-Айленд), утверждает и подразумевает, что американский флот намерен отныне добиваться устойчивого, целеустремленного присутствия в Индийском и сопредельном Тихом океанах, уделяя Атлантике меньше внимания. Декларация «Видение и стратегия», обнародованная в июне 2008 г. Корпусом морской пехоты США, охватывает период вплоть до 2025 г. и примерно теми же словами объявляет: Индийский океан и сопредельные воды сделаются главным театром столкновений и соперничества. Сохраняя существующее преобладание на Тихом океане, США недвусмысленно намереваются стать самой выдающейся южноазиатской державой. Это свидетельствует о судьбоносном историческом смещении государственных интересов прочь от Северной Атлантики и Европы. Соединенные Штаты могут утратить контроль над «великой песочницей» Среднего Востока, но, как предполагает военный аналитик Ральф Питерс, потерю восполнят попыткой стоять на страже у дверей, ведущих внутрь песочницы и наружу: контролировать Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы, «узкие места», в которых военно-морское присутствие Индии и Китая начнет расширяться наравне с североамериканским.

Индия и Китай стремятся войти в число великих держав и надежно обеспечить себя топливом и энергией. Это вынуждает их «отвести взор от суши и глядеть на море» (Джеймс Р. Холмс и Тоси Йосинара, адъюнкт-профессора Военно-морского колледжа США). В то же время, замечают Холмс и Йосинара, «остаются трудноразрешимые вопросы по поводу надежности американского преобладания на океанах», того преобладания, которое десятилетиями обеспечивало устойчивость морской торговли, а потому и принималось как нечто само собой разумеющееся, тем более что и сама глобализация зависела от него [14]. Если мы вступаем в ту фазу исторического развития, когда преобладать на океанах будут несколько наций одновременно, а не одна-единственная, как было в недавнем прошлом, Индийский

океан делается главной ареной, на которой разместится и примется действовать это новое, более подвижное и нестабильное сообщество.

Если Китай пытается расширять свое влияние «по вертикали», простирая его на юг, до теплых вод Индийского океана, Индия старается распространять свое влияние «горизонтально», к востоку и западу, к самым границам Британской Индии, какой она была в эпоху королевы Виктории, – иными словами, вдоль океанских берегов. Согласно одному из отчетов, китайский лидер Ху Цзиньтао сетовал по поводу уязвимости морских путей, используемых Китаем, отзываясь о ней как о «Малаккской дилемме» – о зависимости от поставок нефти через узкий, плохо поддающийся защите Малаккский пролив. По его словам, Китаю следует каким-нибудь образом изменить положение дел [15]. Это опасение древнее: Китайское государство уже пострадало во времена империи Мин, в 1511 г., когда португальцы захватили Малакку. В XXI в. покончить с «Малаккской дилеммой» означает – использовать индоокеанские гавани, чтобы нефть и прочие энергоносители перемещались оттуда по дорогам или трубопроводам на север, в самое сердце Китая; чтобы не всем без исключения танкерам приходилось миновать Малаккский пролив, следуя к портам назначения. Это всего лишь одна из целого ряда причин, по которым Китай отчаянно стремится присоединить к себе Тайвань и получить возможность «перенаправить» свои военно-морские усилия в пределы Индийского океана [16].

Китайская стратегия, разработанная для Индийского океана, условно зовется «нитью жемчуга». Она предполагает строительство крупного порта и станции прослушивания в пакистанской гавани Гвадар на Аравийском море, откуда китайцы сумели бы следить за судоходством в Ормузском проливе. Может возникнуть и другой используемый китайцами порт, в Пасни (Пакистан), в 120 км к востоку от Гвадара. Оба порта свяжет новое магистральное шоссе. Похоже, что на южном побережье Шри-Ланки, в Хамбантоте, китайцы создают для своих судов современный нефтяной эквивалент устаревших угольных портов. В бангладешской гавани Читтагонг (Бенгальский залив) китайские компании вовсю модернизируют портовые сооружения для работы с контейнерами: возможно, Китай ищет морского доступа и туда. В Бирме, чья правящая хунта уже получила от Китая военную помощь на миллиарды долларов, Пекин строит и модернизирует как торговые, так и военные базы, прокладывает дороги, роет каналы и тянет трубопроводы от Бенгальского залива к китайской провинции Юньнань. Станции слежения работают на Кокосовых островах в самом сердце Бенгальского залива [17]. Многие из перечисленных портов находятся ближе к средне- и западнокитайским городам, чем сами эти города – к Пекину и Шанхаю. Подобные гавани в Индийском океане, обладающие железнодорожным и шоссейным сообщением с землями на юге и севере, помогли бы Внутреннему Китаю, лишенному выхода к морям, получить экономическую свободу. Китай тянется к югу и западу. Свидетельством этому – почти неосуществимый на первый взгляд замысел построить железную дорогу, связывающую западнокитайские провинции (через одно из высочайших плоскогорий в мире!) с медедобывающими афганскими областями к югу от Кабула.

Разумеется, следует быть крайне осторожным, оценивая действия Китая в этом регионе. Истинные китайские намерения касательно Индийского океана пока что далеко не ясны, можно лишь гадать и спорить о них. Кое-кто в Вашингтоне скептически смотрит на стратегию «нити жемчуга» как таковую. Открытое строительство баз не сочетается с негегемонистским, добродушным видом нынешнего Китая. Нынче китайцы редко рвутся к открытому господству, предпочитая оставаться в стороне. Таков случай с Гвадаром; администрация Сингапурского порта готовится управлять его делами еще долгие десятилетия. (Хотя один сингапурский чиновник сказал: «Страна-то наша – крошечная, и Гвадар не представляет для Китая никакой угрозы».) Многие магистральные трубопроводы, берущие начало в этих портах, проходят через политически нестабильные регионы, поэтому Китай и не спешит при-

водить в действие многие из упомянутых планов. Например, отчасти из соображений безопасности китайцы заморозили на побережье Гвадара строительство нефтеочистительных сооружений стоимостью в миллиарды долларов. И все же, учитывая требования, предъявляемые географией, а также исторически обусловленную связь Китая с регионом Индийского океана (я остановлюсь на этом вопросе подробнее), явственно видно: что-то происходит. Не столь существенно важны проекты портового строительства сами по себе – все они порождены требованиями местного развития и лишь косвенно имеют отношение к Китаю. Гораздо любопытнее и поучительнее следить за стремлением Китая получить доступ к современным глубоководным портам в дружественных странах вдоль евразийского побережья. Тут Китай предоставляет существенную экономическую помощь, тут оказывается большая дипломатическая поддержка. Таким образом Пекин расширяет свое присутствие на морских путях сообщения, пересекающих Индийский океан. Охрана этих путей вызывает крупнейшие бюрократически-торгашеские препирательства в китайских правительственных кругах: обсуждаются вопросы, относящиеся к военному флоту, способному действовать в открытых океанских водах [18]. Главный урок здесь таков: окружающий нас мир становится «изошренным», и главное тому свидетельство – Индийский океан. На смену военным базам – твердыням времен холодной войны и более ранних эпох – приходят военно-гражданские сооружения, играющие двойную роль. Согласно условиям использования, они будут скорее вероятными, чем действительными базами, а существование их окажется всецело зависящим от добрых двусторонних отношений.

Долгие старания Китая проникнуть в Индийский океан и утвердиться в нем, чтобы властвовать над его водами и защищать свои суда – торговые и нефтеналивные, – отражаются, например, в щедро оплаченном всенародном чествовании памяти Чжэн-Хэ, исторической личности, путешественника и флотоводца времен империи Мин. В XV в. он бороздил моря между Китаем и Ост-Индией, Цейлоном, Персидским заливом и Африканским Рогом. Мусульманский евнух, выходец из Монголии, которого еще маленьким мальчиком захватили во время набега и кастрировали для службы в Запретном городе, Чжэн-Хэ сумел впоследствии возвыситься: повел свой грузенный сокровищами флот, насчитывавший сотни кораблей и 30 000 моряков – включая врачей, переводчиков и звездочетов, – к побережьям Среднего Востока: торговать, облагать данью народы и развеивать над волнами китайское знамя [19]. Оживившийся государственный интерес к этому исследователю Индийского океана и к его жизненному пути свидетельствует, что эти воды всегда входили в сферу китайского влияния.

Пока Китай занимается самоутверждением, Индия хочет увеличить свое региональное влияние от Среднего Востока до Юго-Восточной Азии. Адмирал Суриш Мехта, ранее возглавлявший индийский военно-морской штаб, совершил первую зарубежную поездку на запад именно по странам Персидского залива, ныне ведущим обширную торговлю с Индией. Процветает Индия – процветает и ее торговля с Ираном и поднимающимся на ноги Ираком. Возьмем для примера Индию и Ирак, два литоральных государства, одно из которых доминирует в Южной Азии, а другое – на Среднем Востоке. Американцы не привыкли относить эти страны к одной и той же категории, но по большому счету так оно и есть. Иран, подобно Афганистану, сделался стратегической тыловой базой Индии в борьбе с Пакистаном, а также будущим партнером в производстве энергоносителей. В 2005 г. Индия подписала с Ираном многомиллиардное соглашение, согласно которому Иран обязуется ежегодно поставлять ей 7,5 млн т сжиженного природного газа в течение 25 лет [20]. Так и не ратифицированное окончательно, соглашение все же составлено и вполне может получить законную силу в обозримом будущем. Сходным образом обсуждалась постройка трубопровода из Ирана в Индию через территорию Пакистана – проект, способный содействовать улучшению индо-пакистанских отношений, а заодно «срастить воедино», наподобие

сиамских близнецов, Средний Восток и Южную Азию. Кроме того, Индия помогает Ирану реконструировать и расширять порт Чахбехар на Аравийском море. Среди прочего, попытки США изолировать Иран обречены на провал и по этой причине. В былые годы могущество США зависело от евразийской раздробленности; многим государствам приходилось кланяться Вашингтону, чтобы получить нужную поддержку. Теперь положение дел в Евразии движется в сторону все большей интеграции – таким образом, Соединенные Штаты оказываются до некоторой степени «вне игры».

Часто забывают: многие сотни лет Индия имела тесные экономические и культурные связи как с персидским, так и с арабским побережьями Залива. Примерно 3,5 млн индийцев работают в странах – членах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, ежегодно отсылая домой денежные переводы на сумму 4 млрд долларов. Одним из главных толчков к нынешнему наращиванию индийской морской мощи в Индийском океане стала унижительная неспособность индийского военного флота эвакуировать индийцев из Ирака и Кувейта во время войны в Персидском заливе (1990–1991) [21].

Из тех же соображений Индия расширяет военные и экономические связи с Бирмой, лежащей к востоку. Демократическая Индия не может позволить себе такой роскоши, как презрение к авторитарной Бирме, поскольку эта соседка, богатая природными ресурсами, грозит полностью передаться Китаю, если Индия будет высокомерно сторониться ее и бездействовать. По сути дела, Индия надеется, что узел шоссейных дорог, связывающих восток и запад, наравне с нефте- и газопроводами в конце концов позволит ей «мягко повелевать» бывшими индийскими землями времен Раджа, то есть Пакистаном, Бангладеш и Бирмой.

Но состязание между Индией и Китаем, порожденное расширением и «перехлестом» их коммерческого и политического влияния, будет менее заметным на суше, чем на морских просторах. Чжао Нан-ки, руководитель службы снабжения при Генеральном штабе китайского военного флота, заявил: «Мы не можем более воспринимать Индийский океан как воды, принадлежащие исключительно Индии» [22]. Это суждение относится, в частности, к Бенгальскому заливу, где обе нации намерены содержать немалые военные силы из-за того, что неподалеку находится Бирма, а также Андаманские и Никобарские острова – индийские владения у входа в Малаккский пролив. Следовательно, обоюдная зависимость Индии и Китая от одних и тех же морских путей может привести к союзнчеству, которое при известных обстоятельствах способно сделаться неблагоприятным для Соединенных Штатов. Иными словами, именно в Индийском океане обнаружится динамика всемирной мощи. На этом пространстве совокупно с ему сопредельными Ближним Востоком и Средней Азией начинается новая великая геополитическая игра.

Холодная война неизбежно вызвала искусственную дихотомию в регионоведении: Средний Восток, Индостан и Азиатско-Тихоокеанский регион рассматривались порознь. Но, поскольку Индия и Китай все более неразрывно связываются с Юго-Восточной Азией и Средним Востоком посредством соглашений о торговле, энергетических поставках и безопасности, общая карта Азии создается заново: как некое органическое единство, подобное уже существовавшему в прежние исторические эпохи, – и это всего заметнее на отдельно взятой карте Индийского океана.

Эта карта, с которой исчезают искусственно созданные регионы, включает в себя даже сугубо континентальную Среднюю Азию. Пока китайцы перестраивают и расширяют глубоководный порт Гвадар в пакистанском Белуджистане, индийцы, как я уже упоминал, всего лишь в 160 км к востоку от Гвадара, в Оманском заливе, бок о бок с иранцами и русскими перестраивают и расширяют порт Чахбехар. Порт находится в иранском Белуджистане, и там уже собираются создать иранскую военно-морскую базу. (Индийцы поощряют и прокладку новой дороги из Чахбехара к юго-западной афганской провинции Нимроз.) И Гвадар и Чахбехар, лежащие на крупнейших морских торговых путях поблизости от Персидского

залива (следует полагать, что в будущем между этими портами начнется свирепая конкуренция), в один прекрасный день могут связаться посредством шоссейных дорог и трубопроводов с Азербайджаном, Туркменистаном, а также другими бывшими республиками СССР, лежащими в сердце евразийского материка, богатыми нефтью и природным газом. Помогая проложить магистральное шоссе, которое связывает главную афганскую кольцевую дорогу с иранскими гаванями, Индия, вероятно, покончит с афганской зависимостью от Пакистана, дающего афганцам выход к морю. По мнению С. Фредерика Старра, эксперта по среднеазиатским вопросам, работающего в Школе углубленных международных исследований при Университете Джонса Хопкинса (Вашингтон), именно доступ к Индийскому океану поможет определять политику в странах Средней Азии. Вне сомнения, отчасти Иран привлекает Индию как удобный перевалочный пункт при транспортировке среднеазиатского газа. Более того, индийские и пакистанские порты расхваливаются как «сливные отверстия» для каспийской нефти [23]. Соответственно, судьбы государств, лежащих далеко от Индийского океана, таких как Грузия и Казахстан (либо имеющих залежи углеводородного сырья, либо служащих промежуточными станциями при его транспортировке), связаны с этим океаном.

И тут особо важное, решающее значение приобретает Афганистан – страна, сквозь которую может однажды пойти в индийские и пакистанские морские порты поток природного газа из Довлетабадских месторождений в Туркмении. И это – в дополнение к другим трубопроводам, связывающим Среднюю Азию с Индийским полуостровом: Афганистан расположен посередине энергетических магистралей. Поэтому наведение порядка в Афганистане значит гораздо больше, чем антитеррористическая война с Аль-Каидой и Талибаном; речь идет о том, чтобы обеспечить будущее процветание всей Южной Евразии – равно как и мягко подтолкнуть Индию и Пакистан к мирному сосуществованию, давая им возможность пользоваться одними и теми же линиями энергетического снабжения.

Не только азиатское, но и африканское народонаселение продолжает умножаться и становиться зажиточнее по мере того, как численно увеличивается средний класс, – а значит, торговые и энергетические магистрали будут разрастаться во всех направлениях, на суше и на море. Как следствие, возникнут множество новых организаций и разнообразие союзных отношений. Поэтому в XXI столетии карта Индийского океана отнюдь не сходна с картой Европы и Северной Атлантики в XX в. Прежняя карта служила иллюстрацией к единственной угрозе и единственному понятию: Советский Союз. Цель была проста: защищать Западную Европу от Красной армии и держать советский военный флот на привязи близ полярных арктических льдов. Поскольку угроза была недвусмысленна и прямолинейна, а Соединенные Штаты считались величайшей державой, возглавляемая ими Организация Североатлантического Договора (НАТО) стала, предположительно, самым успешным союзным объединением в истории. Разумеется, на Индийском океане возможен и некий новый морской союз, созданный по образцу НАТО, членами которого стали бы Южная Африка, Оман, Индия, Пакистан, Сингапур и Австралия – причем Индия и Пакистан спорили бы внутри этого союза точно так же, как Греция и Турция внутри НАТО. Эта идея отражает устарелое мышление, не вполне постигающее, что же, в сущности, являет собой ныне изображенный на географической карте Индийский океан.

Хотя в стратегическом плане Индийский океан и представляет собой историческое и культурное единство, он – подобно всему огромному миру, доставшемуся нам в наследство, – имеет не одно средоточие, а несколько. Африканский Рог, Персидский и Бенгальский заливы обременены определенными угрозами, исходящими от различных игроков на каждой из этих арен. Имеются и транснациональные угрозы: терроризм, стихийные бедствия, распространение ядерного оружия, анархия. Любой грядущий военный союз в пре-

делах Индийского океана станет подобен нынешнему НАТО – более зыбкому и менее сосредоточенному на одной цели, чем в годы холодной войны. Учитывая размеры этого океана – тянувшегося через семь часовых поясов и почти половину мировых меридианов – и относительно малую скорость плывущего корабля, – многонациональному флоту было бы трудно даже просто достичь зоны разразившегося кризиса вовремя. В 2004–2005 гг., когда представлялась помощь пострадавшим от цунами жителям индонезийских побережий Бенгальского залива, Соединенные Штаты сумели сыграть в этом ведущую роль только потому, что поблизости крейсировала американская авианосная ударная группа кораблей. Если бы эта группа («Авраам Линкольн») уже успела к тому времени достичь Корейского полуострова, к которому направлялась, американская помощь потерпевшим от цунами была бы гораздо менее действенной. Вот почему система единого военного союза – детище устарелого мировоззрения.

Полезнее думать о создании многочисленных регионально-идеологических союзов в различных акваториях Индийского океана и прибрежных государствах. Это уже происходит. Военные флоты Таиланда, Сингапура и Индонезии объединились при содействии ВМС США, чтобы противодействовать пиратству в Малаккском проливе. Флоты Индии, Японии, Австралии, Сингапура и Соединенных Штатов провели совместные учения на траверзе Малабарского побережья (юго-запад Индии), давая Китаю понять, что не следует вынашивать планы господства над этим океаном. В то же время войска Индии и Китая вели совместные учения близ южнокитайского города Куньмин. Соединенная флотская тактическая группа, состоящая из американцев, канадцев, французов, голландцев, британцев, пакистанцев и австралийцев, осуществляет непрерывное патрулирование на траверзе Африканского Рога, сдерживая действия пиратов.

Вице-адмирал Джон Морган, бывший заместитель главнокомандующего военно-морскими операциями, уподобил стратегическую систему Индийского океана системе нью-йоркских такси: она тоже работает без центральной диспетчерской службы – в нашем случае без ООН либо НАТО, – а морская безопасность порождается рыночными силами: там, где пути сообщения следует охранять, возникают коалиции – точно так же, как множество таксомоторов подкатывает к театру перед началом и после окончания спектакля.

Ни одна нация не преобладает, поскольку флот США поныне остается спокойно царствующим владыкой морей. Как сказал один австралийский коммодор, вообразите себе мир, где существует децентрализованная сеть морских баз. Снабжением их ведают Соединенные Штаты, союзные отношения различны в различных условиях; таким образом, фрегаты и миноносцы разных наций могут «включаться в игру», приходя на эти базы – сплошь и рядом напоминающие плавучие нефтяные вышки, разбросанные от Африканского Рога до Индонезийского архипелага.

Вооруженные силы США с их огромной численностью и способностью к быстрому развертыванию остаются незаменимы даже сейчас, когда сами Соединенные Штаты играют более скромную политическую роль, а другие, некогда бедные, нации процветают и поддерживают друг друга. В конце концов, нынешний мир – это мир, где индонезийское сырье становится компьютерными деталями во Вьетнаме, а программное обеспечение, за которое платят Арабские Эмираты, поступает из Сингапура. И весь процесс зависит от безопасности морских путей, охраняемых и защищаемых США и различными военно-морскими коалициями. На Индийском океане, возможно, и нет единой угрозы, подобной угрозе, которую СССР создавал в Атлантике, или той, которую представляет собой Китай, все шире проникающий в Тихий океан, однако здесь мы, безусловно, имеем масштабную модель всемирной системы.

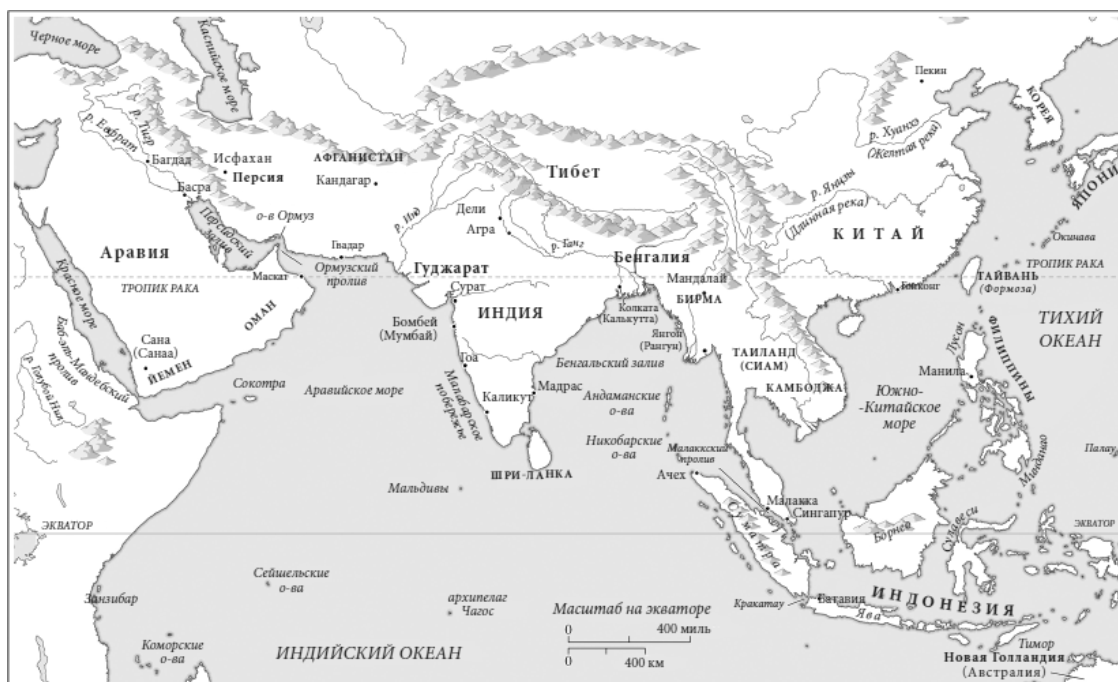
Однако – даже в этом микрокосме переплетающейся корнями своими глобальной системы – национализм станет по иронии судьбы процветать и впредь. «Никому в Азии не

хочется властвовать совместно с другими, – пишет Грег Шеридан, редактор иностранного отдела газеты The Australian. – Азиатские политики прошли суровую школу среди задиристых соучеников. Они ценят крепкую власть; положение США в Азии гораздо надежнее, чем в любых иных местах планеты» [24].

Иными словами, не смешивайте этот мир с миром, где правит ООН – уже, кстати, частично устаревшая система, при которой Франция заседает в Совете Безопасности, а Индия – нет. Индия, Япония, Соединенные Штаты и Австралия в декабре 2004-го отправляли суда к берегам Индонезии и Шри-Ланки, не спрашивая предварительного согласия ООН [25]. Встречные переплетения трубопроводных сетей, шоссейных магистралей и морских путей скорее приведут к политике «равновесия мощи», согласно Меттерниху, чем к «постнационализму», согласно Канту. В северных водах и на побережьях Индийского океана плотно складывается некий мир незападного образца – мир поразительной взаимной зависимости, сочетающейся с яростно оберегаемым суверенитетом; мир, в котором милитаризация растет вровень с экономикой. Вот что пишет Мартин Уокер, руководитель Всемирного совета деловой политики A. T. Kearney's Global Business Policy Council: «Сочетание средневосточной энергии и финансов с африканским сырьем и потенциальными возможностями производить продукты питания, а также с индийскими и китайскими товарами, услугами, инвестициями и рынками предстает чем-то большим, нежели взаимовыгодное тройное партнерство. За торговлей следует богатство, а богатство позволяет покупать влияние и власть. Великие государства Европы впервые возникли вокруг Средиземного моря, и лишь впоследствии расширенная торговля через атлантические, а затем и тихоокеанские воды породила государства новые, более богатые и более могущественные. Можно с высокой долей вероятности предположить, что и державы Индийского океана в должный срок умножат свое влияние и свое честолюбие» [26].

Получается, этот океан снова становится «всемирным сердцем», которым уже был во времена Античности и Средневековья. Займемся историей, исследуем Индийский океан участок за участком. Начнем с Омана.

Часть вторая

Глава 2 Оман – повсюду

Южное побережье Аравийского полуострова – почти пустыня: огнецветная, с безграничными равнинами и островерхими формациями доломитов, известняков и сланцев. Вдоль моря тянутся в нетронутом величии на сотни километров широкие, пустынные полосы песков. Кажется, будто нога человека не ступала в эти места. Море, хоть и выглядит завораживающе, не хранит ничего, пробуждающего историческую память; сверкающая жидкая бирюза свидетельствует лишь о том, что мы находимся в тропических широтах. Но ветер шепчет нам свою повесть. Муссонные ветры⁵, дующие над всем Индийским океаном, преимущественно к северу от экватора, предсказуемы, как часовой механизм; они стремятся от северо-востока на юго-запад и от севера к югу, принимая обратное направление каждые шесть месяцев – в апреле и октябре, – и со времен Античности позволяют парусным кораблям сравнительно быстро покрывать огромные расстояния, а потом – как правило, после продолжительной стоянки в гавани – возвращаться домой почти столь же проворно.

Разумеется, плавание не всегда бывало простым и легким. Северо-восточный муссон, как говорит австралийский шкипер и неутомимый странник по Индийскому океану Алан Вилльерс, «ласков, чист и свеж, подобно пассату... но, когда задует юго-западный, погода портится надолго». Из-за этого парусникам, пересекавшим океан, приходилось иногда использовать северо-восточный муссон для плавания в *обе* стороны. Но арабские, пер-

⁵ М у с с о н ы – явление до того постоянное, что их отсутствие делалось историческим событием. Так, в 1630-м на некоторые индийские области – Гуджарат, Деккан и Коромандельское побережье – не упало ни капли дождя; в итоге миллионы жителей погибли от засухи. См.: *Keay J. The Honourable Company: A History of the English East India Company*. L.: HarperCollins, 1991. P. 115, 116.

сидские и индийские фелуки⁶ со своими громадными латинскими (треугольными) парусами отлично могли продвигаться навстречу мягкому северо-восточному муссону под углом в 55–60° – иными словами, шли почти напрямик против ветра⁷. Фелуки лишь немногим уступали в мореходном смысле нынешним яхтам и являли собой важное судостроительное достижение. Важность его заключалась в том, что юго-западного Малабарского побережья Индии можно было достичь из Южной Аравии, держа совершенно прямой курс, хотя за эту выгоду расплачивались вышеописанным неудобством: как говорят моряки, следовало «идти круто в бейдевинд».

Невзирая на то что юго-западный ветер, случалось, бывал свиреп, открытие муссонной системы, помогавшей без труда задумывать и рассчитывать путешествия, позволяло мореплавателям не слишком часто бороться с буйством стихий [1]. Поэтому Индийскому океану не пришлось – по крайней мере, пришлось в меньшей степени, чем остальным великим водным зеркалам, – дожидаться эпохи котла и пара, чтобы сделаться единым пространством. С мореходной точки зрения, полная перемена в направлении ветра, случающаяся над столь обширной акваторией дважды в год, уникальна. Везде и всюду сила и отчасти направление ветров изменяются от одного времени года к другому – но не до такой степени, до какой это происходит с муссонами в Индийском океане. Прочие важнейшие воздушные потоки над океанами – северо-восточный и юго-восточный тропический пассат, ветры умеренного и экваториального поясов – остаются более-менее постоянными в течение года.

Итак, не исключено, что именно здесь, в прибрежных водах Южной Аравии, где ночи ясны и многозвездны, рыба изобильна, а впадающих рек, по сути, нет вообще, возникло искусство океанского мореплавания [2]. Если говорить о времени, необходимом для совершаемых путешествий, то и до Восточной Африки, и до Индии было чуть ли не рукой подать. И в самом деле, муссоны позволили Индийскому океану – от Африканского Рога до лежащего в 6500 км Индонезийского архипелага – в определенном смысле оставаться на протяжении долгой истории малым и уютным миром.

А значит, он издавна был миром торговым.

Я побывал в той области Омана, что известна как Дофар и находится близ йеменской границы, почти посередине южного берега Аравии. Дофар – это холст, написанный художником-абстракционистом: совершенная пустыня в сухие зимние месяцы – лишь кое-где одиноко пробивается наружу из почвы неприхотливое ладанное деревце. Я надрезал кору одного из них, наковырял смолы и вдохнул аромат, витающий внутри восточных православных храмов. Но задолго до того, как возникло христианство, ладан (*луббан* по-арабски) сжигали, чтобы придавать приятный запах одежде и белью, благословлять людей, отпугивать насекомых и врачевать многие недуги. Кусочки этой смолы бросали в питьевую воду, чтобы укрепить человеческое тело – особенно почки; полагали, будто она уничтожает болезнь, укрепляя иммунную систему и прогоняя злых духов. В Античности ладан делал благовонными погребальные костры, его использовали при бальзамировании фараонов. Эту смолу обнаружили в луксорской гробнице Тутанхамона; известно, что ладан хранили под надзором иудейских священнослужителей в особых помещениях Иерусалимского храма.

Неотделимый от повседневного быта и обихода римлян, египтян, персов и сирийцев, ладан был в древности примерно тем же, чем ныне стала нефть – основой экономического существования. Ладан перевозили морем. Дофар и близлежащий Йемен ежегодно вывозили

⁶ Малая рыбацкая фелука зовется «машуа» – это слово пришло из Индии; фелука более крупная, служащая для перевозки людей и грузов, известна как «джахази» (персидское название).

⁷ См.: *Villiers A. Monsoon Seas: The Story of the Indian Ocean*. New York: McGraw-Hill, 1952. P. 3, 6, 56, 57. Ветровой режим был еще сложнее в Бенгальском заливе, где восточные берега оставались частично закрытыми из-за северо-восточного муссона. См.: *Arasaratnam S. Maritime India in the Seventeenth Century*. New Delhi: Oxford University Press, 1994. P. 4.

3000 т благовонной смолы в средиземноморскую Римскую империю [3]. Грузенные ладаном, подгоняемые надежными и постоянными ветрами-муссонами, парусник за парусником плыли на юго-запад, к входу в Красное море, откуда открывался путь в Египет и Рим. Другие направлялись к востоку, в Персию либо Индию. Спустя месяцы, когда менялось направление ветра, корабли возвращались в дофарские и йеменские гавани, грузенные уже слоновой костью и страусовым пером из Африки, алмазами, сапфирами, ляпис-лазурью и перцем из Индии. Племенные приморские царства Южной и Юго-Западной Аравии – савейне, гадремауты, гимиариты – богатели, наживаясь на своих отрезках этого «ладанного пути». Примерно до 100 г. до н.э. здесь, в этой с виду бесплодной южноаравийской пустыне, находилась точка опоры торговли между Востоком и Западом. Арабы, эллины, персы, африканцы и другие народы сообща трудились и перемешивались на этом перевалочном пункте, существовавшем до того, как наладилось прямое парусное сообщение между Египтом и Индией [4].

Летний муссон, дующий с юга, здесь именуют *харифом*. Он приносит дожди, во время которых голые склоны западнооманских холмов, где я стоял, одеваются чудесной тропической зеленью. В древности здешний климат был еще более влажен, и потому пресной воды имелось больше – оттого и возникла городская цивилизация, культурно утонченная благодаря океанским странствиям. Я сидел за рулем и ехал вдоль берега, пока не наткнулся на каменную хижину. Араб-хозяин, облаченный в просторную *дишдашу* и вышитую тюбетейку, заварил мне чаю на индийский лад: с молоком, пряностями – и приторный. Несколько раньше, в маленьком ресторане, я отведал кокосовых орехов, сдобренных порошком карри, а также местного супа, приправленного жгучим красным перцем и соевым соусом: снова обиходное влияние Индии и Китая на Аравию – ибо, если плыть морем, от Аравии до устья Инда будет ближе, чем до устья Евфрата.

Я посетил развалины Сумгурама, некогда богатой дофарской гавани в самом сердце ладанного пути. Между IV в. до н.э. и IV в. н.э. Сумгурам был одним из богатейших в мире портов. Надписи в луксорском храме богини Хатшепсуп упоминают о белом ладане «аль-ходжари», привозившемся отсюда и считавшемся лучшим на свете. О нем пишет и Марко Поло в своих путевых заметках [5]. Славился этот ладан даже в Китае.

Была пора, когда китайский порт Цюаньжжоу ежегодно получал почти четыреста фунтов ладана из другого приморского города в Дофаре – Аль-Балида, чья древняя оборонительная стена окружает руины более чем 50 средневековых мечетей. Аль-Балидские развалины еще обширнее сумгурамских; я мысленно воссоздал город таким, каким он был некогда. В Аль-Балиде, крупнейшем поселении, возникшем за 2000 лет до н.э., побывал Марко Поло (1285), дважды посещал его марокканский странник Ибн-Баттута (в 1329 и 1349 гг.). Оба они попали в Аль-Балид и покинули его на кораблях. Через весь Индийский океан дважды приводил китайский флотоводец Чжэн-Хэ в Аль-Балид свои парусники, полные сокровищ, – в 1421-м и 1431-м. Китайцы приняли с распростертыми объятиями⁸. Гораздо раньше, на закате X столетия, арабский географ Аль-Мукаддаси, родившийся в Иерусалиме, звал оманские и йеменские гавани «преддверием Китая», а Красное море было известно как Китайское [6]. Плавая в обратном направлении, оманцы из Дофара и других южно-аравийских областей наведывались в Китай начиная с середины VIII в. В более поздние эпохи арабы, населявшие Аравийский полуостров, звали гавань Ачех на северо-западной оконечности Суматры – а это противоположный угол Индийского океана, далекая Ост-Индия, – «вратами, ведущими в Мекку» [7].

Океан и в самом деле казался небольшим.

⁸ Корабли Чжэн-Хэ были боевыми: на них имелись малокалиберные пушки, бомбы и ракеты.

«Оман – повсюду: в Китае, Индии, в Сингапуре и на Занзибаре», – сказал мне государственный служащий Абдуррахман аль-Салими в оманской столице, Маскате, во время приветственной церемонии. Угощали нас розовой водой, финиками, тягучей липкой халвой и горьким кофе, который сдобрили кардамоном и наливали из бронзового кофейника. На Абдуррахмане были белый тюрбан и *дишдаша*. Министр религиозных даров и пожертвований, с которым я тоже встретился, носил у пояса кинжал («ханджар»), усыпанный бриллиантами. Это – страна сознательно соблюдаемых традиций – традиций отнюдь не замкнутых, не чуждых окружающей жизни. Напротив: подобные обычаи связаны с мореходным самоощущением целого народа. Оно складывалось тысячелетиями не в отчуждении от всего окружающего мира, но во взаимодействии с ним. Оман служит примером тому, как глобализация наилучшим образом возникает на крепком самобытном фундаменте, способном выстоять под натиском разрушительных коммерческих сил. То, что может с первого взгляда показаться неопытному путешественнику пугающе средневековым, на самом деле отлично вписывается в картину современного мира.

Поездка на северо-восток, из Дофара в Маскат, занимает 12 часов. Ехать нужно по все более плоской местности, безжизненной, усеянной щебнем и обломками лавы, тянущейся вдоль моря и граничащей с южными пустынями Саудовской Аравии⁹. В прошлом – до недавних времен – подобное путешествие совершали под парусом. Как мореходы оманцы во многих отношениях – образцовые арабы. В течение всей обозримой истории они были столь влиятельны, что Аравийское море – северо-западный угол Индийского океана – когда-то именовалось Оманским. Легендарный Синдбад-мореход мог быть оманцем из Сохара, хотя отчаливал от пристани в Басре (Ирак). Поистине сказочные странствия Синдбада, совершенные между VIII и X вв., – еще одно свидетельство тому, насколько малым казался в Средние века великий Индийский океан благодаря ветрам и искусству арабских и персидских корабельщиков. Предполагают, что земли царя аль-Михраджана, обнаруженные Синдбадом во время первого путешествия, – остров Борнео в Южно-Китайском море, а чудовищную птицу Рух, виденную во время второго плавания, сравнивают с ныне вымершим мадагаскарским эпиорнисом. Арабский географ аль-Идриси, живший в XII в., полагал, что обезьяний остров (третье путешествие Синдбада) – это Сокотра, лежащая между Йеменом и Сомали. Есть мнение, что земли, населенные людоедами (четвертое путешествие), – Андаманские острова в Бенгальском заливе, если не еще более далекая Суматра.

Другой великий оманский мореплаватель, Ахмед Ибн-Маджид¹⁰, мог быть лоцманом, который вел судно Васко да Гамы от Кении к Индии в 1498 г. Об этом человеке поговорим позднее. Оманцы заправляли работоторговлей и еще в начале XIX в. властвовали над побережьем нынешних Кении, Танзании и Северного Мозамбика (так называемый берег Суахили). До 1958 г. они удерживали за собой на Аравийском море порт Гвадар в Белуджистане (Юго-Западный Пакистан). Оманские общины существуют в Индонезии: предки тамошних оманцев помогали донести ислам до самого Дальнего Востока.

С другой стороны, все страны, где оманцы побывали когда-либо, оставили свою печать и на Омане. Маскатские рынки (*souks*) изобилуют индийцами из Раджастана и Хайдарабада, чьи предки осели на земле Омана в XIX в. Покрой женского платья и расшитые мужские тюбетейки выдают влияние Занзибара и Белуджистана. Музыка и пляски по духу своему – занзибарские. Везде и всюду – китайский фарфор. Пекари – выходцы из Ирана и Йемена.

⁹ Сам вид безводных и безжизненных аравийских пустынь был одной из причин, побуждавших оманцев уходить в открытое море.

¹⁰ Хотя с предположением об оманском происхождении Ибн-Маджида согласны многие ученые, происхождение лоцмана, плывшего с Васко да Гамой, остается несколько сомнительным. Один из экспертов утверждает, что лоцман был уроженцем Гуджарата (Северо-Западная Индия). См.: Chandra S. The Indian Ocean: Explorations in History, Commerce and Politics. New Delhi: Sage, 1987. P. 18.

Многие деловые люди – гуджаратцы из Северо-Западной Индии. Старинные щиты и броня оманских воинов явно походят на доспехи индийцев и зулусов, живших в Южной Африке. Слова, заимствованные из других языков, проникли в оманское наречие, и многие оманцы говорят по-арабски с суахильским акцентом. Глобализация пришла в Оман – как и во все прибрежные страны Индийского океана – в Древности и раннем Средневековье, то есть гораздо раньше, чем в иные края и земли. Этим и вызвано столь необычайное разнообразие.

Арабы известны Западу как обитатели пустынь, порождающих крайности мышления, арабам присущие. Но, как подтверждают торговля ладаном и весь остальной исторический опыт Омана, арабы также были и остаются великой расой мореплавателей, истинными провозвестниками космополитизма, бороздившими океанские воды за тысячи лет до Васко да Гамы. Обозревая весь период исламской экспансии, мы заметим следующее. «Один факт, – как пишет голландско-американский ученый Андрэ Винк в своей серии энциклопедических трудов “Аль-Хинд: становление индо-исламского мира”, – бросается в глаза: рост и развитие мировой экономики в бассейне Индийского океана – где Индия находится посередине, а Средний Восток и Китай служат динамическими полюсами – и вокруг него принимали благодаря непрерывной экономической, общественной и культурной интеграции все более... сложные очертания под эгидой ислама» [8].

«Сарацины, – как звал арабов сто лет тому назад британский географ сэр Хэлфорд Маккиндер, – создали великую империю, пользуясь двумя средствами передвижения, доступными в их землях: с одной стороны, конем и верблюдом, с другой стороны, кораблем. В разное время их флоты господствовали как в Средиземноморье – до самых испанских пределов, – так и на Индийском океане вплоть до Малайского архипелага» [9]. Этому способствовали трапециевидные очертания Аравийского полуострова. С трех сторон Аравия имеет протяженные побережья. Береговая линия тянется от Суэцкого залива до самого Красного моря, к проливу Баб-эль-Мандеб («Врата слез»). Потом она поднимается на 2000 км к северо-востоку, до Оманского залива, вдоль местностей, в минувшие эпохи бывших самыми плодородными и густонаселенными частями полуострова (Йемен, Гадрамауты, Дофар). Наконец, побережье стремится на север, вдоль Персидского залива до реки Шатт-эль-Араб в Ираке. Вверх по течению Шатт-эль-Араба находится река Тигр, на которой стоит Багдад, – поэтому во времена Аббасидского халифата, с VIII по XIII в., до самого монгольского нашествия и разорения, Багдад и Китай были связаны посредством Индийского океана. Исторические связи между народами было гораздо легче установить морским путем, чем пересекая него-степриимные пустыни.

Более того, аравийской торговле способствовала близость африканских берегов на западе и Иранского нагорья на востоке, поскольку в замкнутых, огражденных водах Красного моря и Персидского залива непрерывное мореходство позволяло арабам тесно соприкасаться с двумя высокоразвитыми древними цивилизациями – египетской и персидской. Персы, в частности, поначалу прибрали к рукам дальнюю морскую торговлю с Востоком. В VI в. до н.э. Дарий Первый «повелел разведать моря от Суэца до Инда», ибо между персидской династией Ахеменидов и столь же процветающей индийской династией Маурьев существовали оживленные морские связи [10]. Вероятно, что позднее, когда Персией правила Сасанидская династия, – перед самым приходом ислама – персидские суда заходили в гавани Китая. Действительно, персы, сделавшиеся при Сасанидах великой державой, имевшей выход к Индийскому океану, упоминаются в китайских документах VII и VIII вв. как владельцы кораблей в Кантоне [11]. К тому времени, когда возникло арабско-персидское культурное единство, установленное в Средние века стараниями эклектического Багдадского халифата Аббасидов, арабские и персидские плавания через Индийский океан – от

Африки до Дальнего Востока – становятся почти неотличимы друг от друга: и те и другие проходили под знаменем общей мусульманской торговли и морских исследований.

Залив, справедливо именуемый Персидским, стал для человечества старейшим выходом к океану. Из Персидского залива можно было двинуться вдоль берегов Синдха (Юго-Восточный Пакистан) и Хинда (Индии), не теряя земли из виду – если, конечно, моряк не намеревался пересекать открытый океан от Омана к Индии, целых полгода пользуясь попутным муссоном. А Южная Индия служила «скрепой» между двумя великими бассейнами Индийского океана: Аравийским морем и Бенгальским заливом [12]. Подгоняемый муссоном корабль мог плыть напрямик от Южной Индии либо Цейлона до самого Дальнего Востока, двигаясь преимущественно левыми галсами. От Персидского залива до Суматры в Индонезийском архипелаге было 70 суток пути – сравнительно быстрое путешествие. Средиземноморские парусники ходили вдвое медленнее, но здесь корабли подгонял муссон [13]. А в другом направлении, от Йемена и Омана, лежал относительно краткий и легкий морской путь на юго-запад, к Восточной Африке. После 1200 г. восточноафриканский «берег Суахили» оказался глубоко втянут в сферу исламских морских интересов, а под конец XV в. мусульманские пришельцы из Южной Аравии уже основали там по меньшей мере 30 приморских городов [14]. Похоже, что на берегах Индийского океана присутствовали все народы и племена.

В классические времена города Южной Аравии были, по словам Джорджа Ф. Гурани, «открытыми портами для любых взаимоотношений» между Африкой, Египтом и Индией. Птолемей II Египетский обменивался посольствами с индийской империей Маурьев, где правили в те дни Чандрагупта и Ашока. «Индийские женщины, быки и мраморные изваяния, выставленные [Птолемеем] на обозрение во время триумфального шествия» году в 270 или 271-м до н.э., скорее всего, достигли Египта, минуя земли савеев, то есть через Йеменские гавани [15]. Согласно «Плаванию в Эритрейском (Красном) море» – так назывались записки некоего шкипера, жившего в первой половине I столетия н.э., – древние арабские купцы вели оживленную торговлю на сомалийских землях (Восточная Африка) и в устье Индского поречья (нынешний Пакистан). Пустынная и, казалось бы, отдаленная Аравия находилась в самом сердце связей между цивилизациями – и все благодаря парусному судоходству.

Ислам, возобладавший в VII в., поощрял морскую торговлю. Ислам – вероучение, ставящее общественное и экономическое взаимодействие в некие определенные рамки. Более того, как поясняет исследовательница Патриция Риссо, ислам «вездесущ». Ему «не требуется определенной местности, населенной духами земной природы, или храмов, посвященных отдельным божествам», как это было и есть в случае с индуизмом. Оттого ислам особенно «подходил купцам, которым нужно было вести сложные дела и странствовать». Ислам распространялся и приживался, поскольку он – объединяющая культура, сосредоточенная вокруг таких элементов, как Коран, общая молитва, упорядоченная семейная жизнь и пищевые ограничения (запрет на свинину и вино). Эти элементы сводили правоверных воедино, в общественные группы. Так, на протяжении первых исламских веков паломничество-хадж отчасти становилось и ярмаркой, ибо мусульманские торговцы собирались в Мекке и заключали сделки. Исламское «смешение и сосуществование» с индуизмом и буддизмом, пишет ученый Дженет Л. Абу-Лугход, придавало миру Индийского океана «сплоченность» – качество, которого зачастую недоставало даже гораздо меньшему Средиземноморью, скорее разделенному, чем объединенному тамошними ветрами [16]. Мусульманское торговое сообщество, особенно хорошо приспособившееся к новым правилам и порядкам, распространяло ислам к востоку через южные моря, утвердило его власть на большей части пространства, звавшегося афро-евразийской сушей [17].

Мусульмане торговали жемчугом и золотом в Персидском заливе, ввозили рабов и слоновую кость из Восточной Африки, рис и хлопок из Индии, шелк, чайный лист и фарфор из

Китая [18]. Ислам не только поддерживал мусульманские купеческие сообщества, разбросанные по всему Индийскому океану, но и привлекал новообращенных. Тут играла роль и прагматическая сторона дела: приняв ислам, африканский либо азиатский купец вызывал большее доверие у арабов и легче устраивал свои дела. В Бирме, на западное побережье которой арабы проникли впоследствии, туземцы-араканцы зачастую брали себе арабские имена – из чисто коммерческих соображений. Арабские купцы обращали в ислам также индийцев и, вместе с ними странствуя по океану, создавали исламские общины везде – от Могадишо до Малакки, то есть от Сомали до Малайзии (прямая противоположность миссионерам-христианам, которые не занимались торговлей и чьи интересы временами бывали враждебны интересам европейских торговых компаний) [19].

Расширению торговли, которую вели арабы в Индийском океане, способствовало не только развитие ислама, но и подъем Китая. Мусульманское государство в Медине создано в 622 г., а новая династия Тан в Китае основана в 618-м. При этой династии расцвела бюрократия, сложилось сильное центральное правительство, началось агрессивное развитие морских торговых связей на юг, в Индийский океан. Ситуация сложилась аналогичная той, что была в древности, когда Римская империя контролировала западную часть Индийского океана, а династия Хань – восточную. До распространения ислама китайским торговцам было удобно торговать с индийцами – приверженцами индуизма и буддистами, но позже, находясь под покровительством Тан, они нашли более выгодным вести торговые дела с теми, кто исповедовал ислам (индийцами, арабами и персами) [20].

Торговля между отдаленными азиатскими пределами подстегивалась не только желанием получить нужный повсеместно ладан, но и охотой за предметами роскоши: драгоценными металлами и лекарственными травами. Вдобавок Индия продавала Китаю рис и хлопок, а взамен получала из Китая чайный лист. Васко да Гама, причаливший в Калькутте, был поражен размахом морской торговли. Суда приходили отовсюду, «от Китая и до Нила» [21]. Мусульманская торговая система была стержнем средневековой глобализации – точно тем же, чем сделался ныне капитализм американского образца.

Мусульмане присутствовали повсеместно. Уже через несколько лет после возникновения ислама, в VII в., землепроходец Саад Ибн-Аби Ваккас, отплывший из Эфиопии, воздвиг мечеть в китайском городе Цюаньжоу. В первой половине XV в. некий индийский мусульманин служил у флотоводца Чжэн-Хэ лоцманом. Он провел китайские корабли из Индии в Дофар, а оттуда в Йемен. И флотоводец – тоже мусульманин! – стал первым китайским сановником, совершившим паломничество на север, в Мекку, – из Йемена [22].

Хотя мусульмане – арабы, персы, индийцы – преобладали, Индийский океан принадлежал не им одним. Торговцы всех стран и вероисповеданий пользовались необычайными возможностями, присущими этому океану. Еще до того, как возник ислам, малайцы – обитатели восточных морей, жители нынешних Малайзии и Индонезии, – доплывали на западе, в противоположном углу Индийского океана, до Мадагаскара и Восточной Африки. Малайцев, привозивших на продажу корицу и другие пряности¹¹, прозвали «вак-ваками» – ибо так именовались их суденышки-катамараны, на которых эти язычники покрывали расстояние в 5500 км примерно за месяц – благодаря подгонявшим ветрам [23]. Кроме того, на упомянутых побережьях распространяли свои обряды, священные изваяния и язык индийцы. Процветающая торговля разбрасывала индийских купцов по всему пространству южных морей; некий «санскритский космополис» возникал в раннем Средневековье по всей Южной и Юго-Восточной Азии [24]. На протяжении всей средневековой и в начале Новой истории юго-

¹¹ При раскопках в Кении обнаружены иранские гончарные изделия, относящиеся к поздней эпохе Сасанидов, и глиняная китайская посуда – тоже древняя. Это еще одно свидетельство того, какие огромные расстояния проходили тогдашние парусники. См.: *Verlinden Ch. The Indian Ocean: The Ancient Period and the Middle Ages. // Chandra S. The Indian Ocean: Explorations in History, Commerce and Politics. New Delhi: Sage, 1987. P. 18.*

восточный Коромандельский берег Индии поддерживал тесные связи с Бирмой и Индонезийским архипелагом, так же как и с Персией в противоположном углу океана.

По Индийскому океану раскинулась настоящая паутина торговых путей, отдаленно походившая на ту, что быстро возникает в нынешнем мире, с его коммерческими и культурными переплетениями. Ибо Индийский океан есть сумма отдельных его участков: это водное зеркало разделяется на моря – Аравийское море, Бенгальский залив и другие. Потому, как пишет Абу-Лугход, «естественно... что нескольким державам, владычествовавшим в различных краях, приходилось сосуществовать» [25]. Иными словами, океан был «нейтрален». Никакая держава не господствовала – в отличие от европейских королевств.

В Средние века преобладание Запада оставалось еще делом будущего – так же как ныне американская морская гегемония (в той степени, в которой она вообще существует) – завершающая стадия западного владычества над южными водами – может с течением десятилетий отступать во все более далекое прошлое.

Глава 3

Границы и преграды согласно лорду Керзону

В 1907 г. вице-король Индии лорд Джордж Натаниэль Керзон возвратился в Англию и вскоре после этого прочел в Оксфорде публичную лекцию «Границы». Предмет лекции был выбран не случайно: Керзон имел дело с границами всю жизнь – поначалу как молодой путешественник по азиатским владениям Британской империи, затем как один из дипломатов, занимавшихся определением имперских границ в Туркестане [1]. Керзон говорил о всевозможных естественных границах – морях, пустынях, горах, реках, лесах – и о всевозможных границах, обозначенных человеком. Он упомянул стены и укрепления, прямые астрономические линии на картах, рубежи и порубежные земли, буферные государства, протектораты, побережья и сферы влияния. Керзон определил моря (и лишь во вторую очередь пустыни) как самые «неумолимые» и «надежные» границы на свете. По его словам, в конечном счете и Англия потеряла Америку, а Испания – Филиппины и Кубу, и Наполеон лишился Египта, а голландцы и португальцы – приморских колониальных владений в Азии лишь оттого, что между метрополиями и колониями простирались «морские преграды». Что касается пустынь, указал Керзон, то Гоби защищает Китай на северо-западе, Бухару и Самарканд «прикрывают, словно щит, каракумские барханы», Средний Восток бывал, по сути, надолго отрезан от Индии «пространными пустынями» Туркестана и Персии, а Черную Африку отгораживала от остальных цивилизаций лежащая на севере материка Сахара [2].

Конечно, по морю можно плавать, а пустыню пересечь с верблюжьим караваном или проложить через нее железнодорожное полотно – Керзон привел тому немало примеров. Как человечество разобщено морями, очевидно. И все же гораздо важнее понять, как человечество объединено ими, – особенно если мы оцениваем столь стратегически важное и оживленное водное пространство, как Индийский океан. То же самое относится к пустыням: это нечто гораздо большее, чем непроходимые препятствия – даже в отсутствие железных дорог, – что бы ни утверждал по данному поводу Керзон. Пустыни воздействуют на участь и судьбу народов тоньше, чем океаны. И отнюдь не только песчаные просторы к востоку от Месопотамии создали преграду между Средним Востоком и Индостаном. Дело было в различии культур и языков, или наречий, возникшем благодаря многочисленным факторам – отнюдь не только географическим. Да и не стоит преувеличивать роли, которую играет подобное препятствие: история изобилует примерами арабских и персидских миграций через пустыни. По-видимому, пустыня, простирающаяся от Сирии к югу, на Аравийский

полуостров, почти не разделяла народы – ибо в тех краях везде и всюду звучит арабский язык. Аравийскую пустыню пересекали и целые племена, и бродячие шайки разбойников – и все они оказывали глубокое влияние на любые местности, в которых побывали.

С этого и начинается рассказ об Омане, микрокосме в мире, именуемом западным Индийским океаном. Ибо, подобно другим государствам, лежащим на побережье Аравийского моря или неподалеку от него, – Сомали, странам Персидского залива, пакистанским провинциям Белуджистан и Синд, северо-западной индийской провинции Гуджарат, – Оман являет собой оживленную, хотя и тонкую, обитаемую полосу земли, что тянется между морем и пустыней, подверженную огромному воздействию как песков, так и соленых вод.

Оман – своего рода остров, хоть и не в буквальном смысле этого слова. Вопреки словам Керзона, считавшего пески лишь вторым по «неумолимости» препятствием, пустыни оказались в истории Омана преградой более «надежной», чем море. Благодаря предсказуемости ветров тысячи километров открытого океана не отделяли Оман от путей остального человечества – напротив, делали страну ближе к заморским соседям. А более 1500 км открытой пустыни, лежащей на севере, отрезали Оман от соседей сухопутных. Море приносило космополитизм, пески – изоляцию и племенную междоусобицу. Поскольку мореходные сообщества существовали и существуют здесь уже свыше двух тысяч лет, Оман – подобно Йемену, Египту и Месопотамии – древний очаг цивилизации. Оман вовсе не молодое порождение истории, подобное государствам Персидского залива, возникшим в основном благодаря тому, что тамошние земли тянулись вдоль торговых и прочих морских путей, которыми в Индийском океане пользовалась Великобритания – крупнейшая морская держава XIX в. «Мелкие арабские странишки, – сказал об этих государствах Керзон, – созданные, чтобы предотвращать работоторговые набеги на берега сопредельных морей» [3]. Оман, в отличие от Саудовской Аравии, не возник в XX в. по воле некой семьи. Правящая Оманом династия Аль-бу-Саидов стояла у власти еще тогда, когда никаких Соединенных Штатов Америки не было в помине. И все же, невзирая на долгую историю, враждебность племен, обитавших в пустыне, случалось, делала Оманское государство слабым или не существующим вообще. Тут его подчиняла себе ближайшая великая держава, Иран. Море, морские ветры и удобные гавани приносили Оману богатство и могущество, – а вот пустыня сплошь и рядом ставила эту страну на грань исчезновения.

Говорят, Оман – страна пятисот крепостей. Я странствовал от одного арабского *касра* (крепости) к другому по пустыне, притаившейся почти у самых берегов, на которых расположены глубоководные гавани. Ветер и сейсмические сдвиги истерзали эту местность в течение долгих геологических эпох, но придали ей своеобразную красоту. Каждая крепость обладает математически четкими очертаниями и возвышается над выветренными вершинами холмов или голыми, лишенными растительности обрывами. Уже само количество этих замков наводит на размышления. Как ни пытаются музейные реставраторы придать им привлекательности, как ни украшают их изнутри коврами, фарфором, местным драгоценным убранством, старинными картинами и резными перегородками, – одно лишь количество оборонительных сооружений, построенных из камня и глины, свидетельствует о беззаконии, долгие века царившем среди тамошних пустынь. Каждый замок принадлежал отдельному, замкнутому людскому сообществу. Все члены сообщества, от повелителя до младенцев, жили в пределах крепости – и буквально все время держали наготове кипящий финиковый сироп, жидкость липкую и гжучую донельзя, чтобы лить его сквозь щели-бойницы на головы непрошеным гостям. Получается, пустыня вовсе не была безлюдной, непроходимой местностью, победить которую, по мнению Керзона, позволяет лишь железная дорога. Скорее, она была местностью, где постоянно обитали пусть немногочисленные, однако предельно опасные кочевые племена. Городское средоточие жизни, в котором оседлая цивили-

зация способна пустить корни и обеспечить политическую устойчивость, отсутствовало – зато безвластие правило бал повсюду.

Высвобождающее влияние океана оставалось неосязаемым за пределами береговой полосы – там бурлил хаос. Поистине: чем шире и глубже пустыня – тем неустойчивее и воинственнее может оказаться государство. Самым вопиющим историческим примером тому – Сахельские царства, располагавшиеся в Африке между Сахарой и Суданом. Долгое время такой же точно страной был и Оман¹².

Что же позволило Оману после десятилетий и веков государственной шаткости – расплаты за соседство с разбойничьей пустыней – превратиться в устойчивую, жизнеспособную прозападную страну, чей собственный отлично оснащенный флот с отлично обученными матросами развернут в исключительно стратегически важном Ормузском заливе? Какой можно извлечь из этого урок, применимый ко всему региону Индийского океана?

Многие факторы влияют на сегодняшнюю сплоченность Омана как государства. Население насчитывает менее трех миллионов. В сочетании со значительными запасами нефти и природного газа это обстоятельство дало и дает возможность прокладывать дороги и создавать иную инфраструктуру, что повышает роль государственного правления. Совсем иначе обстоят дела в сопредельном Йемене, население которого составляет 22 млн при такой же примерно территории, но гораздо чаще изрезанной горными цепями. Йемен – гораздо более слабая политическая единица; его правительство не имеет легкого доступа к отдаленным уголкам страны и вынуждено поддерживать общественное спокойствие, балансируя на хрупкой грани добрососедского сосуществования различных племен – ибо ни одно племя и ни одна религиозная секта не стали в Йеменском государстве преобладающими, определяющими «лицо» Йемена. Тревожная сторона Йеменской жизни – распыление власти вместо ее сосредоточения. С глубокой древности Вади-Гадрамаут, оазис, протянувшийся на 160 км в Юго-Восточном Йемене, окруженный песчаными просторами и каменистыми плоскогорьями, поддерживает – посредством караванных путей и гаваней на Аравийском море – более тесные связи с Индией и Индонезией, чем с остальными областями Йемена¹³. В отличие от Омана Йемен остается обширным и беспокойным сборищем племен, над которыми властвуют мелкие царьки.

Благополучие Омана основывается не столько на западных технологиях и демократических рецептах, сколько на возрождении определенных феодальных обычаев – и на незаурядных личных качествах правящего ныне абсолютного монарха: султана Кабуса бен-Саида. Уже одним своим существованием сегодняшний Оман опровергает вашингтонские представления о том, как следует развиваться Среднему Востоку и всему остальному миру. Оман доказывает: за пределами западного мира пути к прогрессу разнообразны; сплошь и рядом

¹² И все же следует быть осторожными в суждениях, поскольку взаимосвязь географии с политикой никогда не бывает «химически чистой», она полна противоречий. В действительности ее динамика может быть расплывчатой – особенно во время великих потрясений и катаклизмов. Как море и мореходство иногда влияют на пустынную материковую глубь, так и пустыня, вне сомнения, может влиять на мореходство. Например, в XIII в. Кантон в Китае был связан морским путем с Басрой в Ираке, откуда товары переправляли морем же в Багдад, а затем посуху доставляли на запад, к Средиземноморью. Таким образом, Басра служила Багдаду гаванью, давая этому великому средневековому городу, которым правили халифы Аббасиды, выход в Персидский залив и в Индийский океан, а оттуда имелся доступ ко всему Востоку. Но в 1258 г. монголы, пришедшие из пустынь, разгромили Багдад – и весь Ирак охватило смятение. В итоге морской путь через Персидский залив сделался неблагоприятным. Торговые корабли начали заходить не в Персидский залив, сопредельный Оману, а в Красное море близ Йемена. См.: Engseng Ho. Port City States of the Indian Ocean // *Harvard University and the Dubai Initiative*. 2008. Feb. 9–10.

¹³ Низам Хайдарабадский, некогда правивший в Южной и Центральной Индии, брал себе телохранителей исключительно из племени гадрамитов. Я уже подробно писал о Йемене в других своих работах. См.: *Kaplan R. D. Imperial Grunts: The American Military on the Ground*. New York: Random House, 2005. Ch. 1; *Kaplan R. D. A Tale of Two Colonies* // *The Atlantic*. 2003. April.

они идут вразрез с идеалами либерального Запада и Просвещения. А еще Оман доказывает: к добру ли, к худу ли, но человеческая личность играет не меньшую роль в истории, чем моря и пустыни. Я убедился в этом, странствуя по Индийскому океану. Из ряда вон выходящим достижением султана Кабуса стало то, что он сумел объединить оба оманских мира: мир Индийского океана и мир Аравийской пустыни. Здесь требуются некоторые исторические разъяснения.

Долгие периоды государственной неустойчивости объясняются тем, что, хотя официальные границы Омана тянутся в глубь полуострова всего на 300 с небольшим километров, эти границы были в большой степени бессмысленны и бесполезны. Вдали от прибрежной полосы пустыни простираются гораздо глубже – в нынешнюю Саудовскую Аравию и за ее пределы. После древней – ныне Саудовской – Аравии Оман, вероятно, сделался второй в арабском мире страной, чье население приняло ислам. Но, поскольку Оман расположен у кромки аравийских пустынь, на побережье Индийского океана, страна сделалась пристанищем для исламских раскольников – особенно ибадитов, последователей Абдаллаха ибн-Ибада, выходца из Басры и наставника хариджитов (VII в.).

Хариджиты (от арабского слова, означающего «уходить, выходить») не признавали первой исламской династии – халифов Омейядов, обосновавшихся в Дамаске. Они считали династию «религиозно оскверненной», поскольку халифы доверяли покоренным немусульманам бразды местного правления. Хариджиты выступали поборниками священной войны, джихада, против любых врагов – как неверных, так и мусульман – и, как пишет ученый Бернард Льюис, являли «самый крайний пример племенной независимости». «Они отказывались, – продолжает Льюис, – признавать какую бы то ни было власть иначе как по собственной – всегда непостоянной – воле» [4]. Оманские ибадиты хариджитского толка отвергали халифов Омейядов и признавали всенародно избираемых имамов. Но все же эти ибадиты были меньшими фанатиками, чем остальные хариджиты: они запрещали убивать прочих мусульман и терпимо глядели на тех, кто ибадитами не был [5]. Оман превратился в своеобразное училище для ибадитских проповедников – особенно после падения Омейядского халифата в 750 г. Впрочем, беда была в том, что, с одной стороны, ибадитский ислам объединял внутренние области Омана, сплачивал местное население в единую секту, а с другой – разделял его, поскольку демократическая природа имамата приводила к множеству кровопролитных недоразумений. Раздираемые происхождением и религиозно-политическими различиями, две с лишним сотни оманских племен постоянно вели междоусобные войны в пустыне, а побережье процветало, торгуя со странами Индийского океана.

Пока в гаванях громоздились груды заморских товаров, обитатели северной пустыни чинили набеги на племена, жившие вдали от моря [6]. Иран, великая держава, находившаяся по другую сторону Персидского залива, пользовался этой слабостью и раздробленностью, вмешивался в оманские дела, налаживал межплеменные перемирия¹⁴. В 1749 г. Ахмад бен-Саид аль-Бу-Саид, родоначальник нынешней Оманской династии, объединил враждовавшие секты и с их помощью прогнал персов. Но затем начался упадок. В 1829 г. султан Саид бен-Султан даже покинул Маскат и отправился жить в южную свою империю – через Индийский океан, в Занзибар, близ африканских берегов. Эту империю оманцы создавали постепенно, пользуясь надежностью и силой муссонных ветров. В дальнейшем британские владыки Омана использовали слабость прибрежных повелителей, которые, будучи способны править Занзибаром, отстоявшим на три с лишним тысячи километров, и водружать свои стяги в восточноафриканских гаванях Ламу и Момбасы, не могли выдержать и отразить племенных набегов из близлежащей, оманской же, пустыни.

¹⁴ Персия влияла на Оман с глубокой древности. Фалай – оросительная система туннелей, запруд и водохранилищ – принесена в Оман персидскими переселенцами в VII в. до н.э., во время экспансии Ахеменидов.

Преследовали Оман и другие невзгоды. Британский Королевский флот силой покончил с работорговлей, чью выгодную африканскую отрасль Оман издавна прибрал к рукам¹⁵. В эпоху котла и пара оманские парусные суда, известные в Европе под общим названием «фелук», изрядно устарели¹⁶. А с открытием Суэцкого канала сократилось расстояние от Европы до Индии. Тем самым резко уменьшилась важность Маската и прочих оманских гаваней, служивших перевалочными пунктами при плавании через Индийский океан.

Затем, в 1913 г., священнослужители и вожди племен, обитавших вдали от моря, подняли мятеж против Маската: они твердо намерились возродить ибадитский имамат, лучше и полнее представляющий исламские ценности, как их понимают в пустыне. С помощью британцев прибрежный султанат в 1915 г. отбил нападение, учиненное тремя тысячами кочевников. Переговоры затягивались, бои то прекращались, то возобновлялись. Началась экономическая блокада внутренних областей. Наконец в 1920 г. обе стороны подписали договор, в соответствии с которым султан с имамом согласились не вмешиваться в дела друг друга. По сути, Маскат и Оман – побережье и внутренние части страны – превратились в отдельные государства. Мир воцарился на 35 лет, пока из-за нефтяных месторождений, обнаруженных в глубине страны, между войсками султана и имама не вспыхнули новые сражения. Саудовская Аравия поддержала племена, кочевавшие в пустыне, а Британия взяла сторону султана, правившего побережьем [7]. С британской помощью султан Саид бен-Теймур сумел взять верх, однако победа его оказалась пирровой. Сепаратистское восстание вспыхнуло в Дофаре в 1960-х гг. Вскоре его возглавили и подчинили себе марксисты-радикалы. Это случилось как раз тогда, когда султан отошел от политики, оградив страну от внешнего мира и всемерно избегая развития. Так возобновились древние разногласия между побережьем и внутренними областями страны, между имаматом и султаном. Из-за этого во второй половине XX в. Оман сделался не столько государством, сколько географическим понятием.

Путь к истинной государственности начался только в июле 1970 г., когда, при содействии британцев, реакционного султана Саида сверг его сын Кабус. Переворот обошелся почти без кровопролития: случилась короткая перестрелка, старого султана ранили в ногу, а затем отправили в Лондон как изгнанника. Новый 29-летний султан Кабус объявил всеобщее помилование кочевым племенам Дофара. Он рыл колодцы, прокладывал дороги, наводил мосты в пустынных областях. Кочевников-партизан, добровольно сдавшихся в плен, британцы заново обучили военному делу и сформировали из них иррегулярные части вооруженных сил Омана [8]. Кроме того, новый султан начал напряженную кампанию дружественных встреч – чтобы помимо дофарцев склонить на свою сторону и подчинить новому правлению собственное племя, равно как и членов собственной разветвленной семьи. Это была классическая, хотя в некотором смысле доморощенная, стратегия борьбы с партизанским движением. Через некоторое время она принесла добрые плоды. К 1975 г. восстание в пустыне окончилось, и Оман стал готов развиваться как современное государство.

Подавление анархии всегда следует начинать с кланов и племен, а потом уже подниматься выше этих первичных общественных ячеек. Именно так и поступил Кабус. А уж в пустыне племенным отношениям подчиняется все. Трезво мысливший Блаженный Августин писал в своей книге «О граде Божьем»: племена, связанные скорее тесными узами родства и этнической общности, чем какими-либо вселенскими устремлениями, едва ли могут быть примером того, что зовется высшим добром. Но, содействуя общественной сплочен-

¹⁵ Следует заметить, что в целом оманские работорговцы были мягче своих европейских собратьев по ремеслу. Вместо того чтобы превращать несчастных захваченных африканцев в «живых мертвецов», лишенных каких-либо человеческих прав, оманцы часто делали своих рабов обычным домохозяевами, одевали их и женили согласно исламским законам.

¹⁶ Это было тем более обидно, что к началу XIX в. в северном Аравийском море не существовало флота сильнее оманского – исключая, разумеется, присутствовавший там британский флот. См.: *Hall R. Empires of the Monsoon: A History of the Indian Ocean and Its Invaders*. L.: HarperCollins, 1996. P. 355.

ности, племена все же и сами по себе служат добрым началом. Кабус угадал это и сколотил воедино целую нацию из несхожих племенных элементов. Проклятие вражды между приморьем и пустыней преодолела вдохновляющая сила средневековых традиций.

Султан Кабус создал новосредневековую систему, содержащую демократические вкрапления. Периодически совещаясь со старейшинами племен, Кабус достиг того, что при абсолютной султанской власти лишь немногие решения владыки бывали спорными. Такой подход к управлению восстановил связующее звено между бывлой территорией имамата в глубине страны и прибрежным султанатом – звено, столь долго пребывавшее разомкнутым. А еще Кабус был хитроумен. В 1970-х белая *дишдаша*, древнее длиннополое одеяние, которое мужчины-арабы носили везде и всюду, стала выходить из моды, вытесняемая западными костюмами из синтетических тканей. Тогда Кабус объявил *дишдашу* почти неизменным арабским облачением. Этот шаг, наравне с призывом возводить постройки в исконно арабском архитектурном стиле, укреплял зачаточное культурное единство побережья и пустыни, способствовал созданию нации.

На всем Среднем Востоке нет правителя, вполне сопоставимого с султаном Кабусом. Сегодня он – худой старик на восьмом десятке лет, холостой и живущий одиноко, почти затворником. Ему присуща намеренная отчужденность от окружающего. Он играет на лютне и органе, любит классическую западную музыку – и сочиняет музыку сам. (Султан создал первый на Среднем Востоке симфонический оркестр, где все музыканты – местные арабы.) Он правит на западный лад: создал исправно работающие министерства, дал женщинам немало прав, построил в глубине страны школы, потрудился во благо защиты окружающей природной среды, запретил охоту. Некий западный знаток арабского мира сказал, что в частных беседах этот султан, выпускник Королевской военной академии в Сандхерсте (Великобритания), предстает «самым осведомленным, самым разумным, самым начитанным и грамотно говорящим – и по-арабски, и по-английски – правителем на Среднем Востоке. Во всем регионе лишь он один и может по праву зваться человеком эпохи Возрождения». То есть Кабус олицетворяет собой космополитизм, присущий народам Индийского океана.

Другой человек, прежде бывший высокопоставленным американским чиновником, заметил: что касается широты стратегического мышления, султана Кабуса можно сравнивать лишь с Ли Куан Ю, премьер-министром Республики Сингапур. Миру нашему и в самом деле повезло: на протяжении десятилетий государствами, сопредельными двум важнейшим проливам Индийского океана – Ормузскому на западе и Малаккскому на востоке, – распоряжались два столь просвещенных и одаренных правителя. Можно сказать, Оман слишком невелик, чтобы таланты владыки, подобного султану Кабусу, могли развернуться полностью, – равно как и Сингапур очень мал для способностей такого премьер-министра, как Ли Куан Ю. Рассказывают, будто султан Кабус может обсуждать израильско-палестинский конфликт с точки зрения обеих сторон. А еще он трудился без усталости, чтобы наладить добрососедские отношения с иранцами, заключил с Соединенными Штатами соглашение о военном доступе и присутствии, позволившее вытеснить советские войска из Афганистана, а иракскую армию – из Кувейта; впоследствии, перед вторжениями в Афганистан и Ирак, султан разрешил временно разместить на оманской земле 20 тыс. американских солдат и офицеров. В 1979 г. Оман оказался единственным арабским государством, признавшим мирное соглашение Анвара ас-Садата с Израилем. Учитывая, что глубоководные участки Ормузского пролива – фарватер, необходимый для нефтеналивных судов, – целиком и полностью находятся в оманских территориальных водах (а это приравнивает собственные стратегические интересы Омана к интересам остального мира), султан Кабус (да еще при всех его талантах!) может стать несравненным посредником между американцами и иранцами – либо между американцами и арабами, если речь идет об израильско-палестинском конфликте. Но,

живя почти отшельником, султан избегает подобной роли, предпочитая уединяться среди книг и музыкальных инструментов, – подобно престарелому викторианскому джентльмену, для которого искать известности значило бы обнаруживать слабость характера.

Он не любит беседовать с репортерами. Редко выходит на люди. Газеты не трубят о нем каждый день, как о прочих диктаторах. Его портреты и фотографии не множатся до неприличия, как это было в Ираке при Саддаме Хусейне или даже в Египте при Хосни Мубараке. Вокруг султана Кабуса нет никакого культа личности. Зато нынешний Оман кажется почти ненастоящим, выглядит страной, сошедшей со страниц фантастической повести. Ни военных, ни полицейских почти не видно – в отличие от Саудовской Аравии, где входы в гостиницы и другие важные здания стерегут охранники и ограждают бетонные барьеры американского образца. Почти всякий взрослый человек носит национальную одежду, улыбается и неизменно поминает правителя страны добром – впрочем, только если о султанине спросить напрямую. А если спросить о демократии либо свободах, человек отвечает подобно одному из моих оманских друзей: «Какой же именно из упомянутых вами свобод мы не имеем?» И, учитывая впечатление, произведенное Соединенными Штатами в Ираке, помня о попутно разгулявшемся там насилии, можно понять, отчего недоверчивые оманцы отвечают именно так, а не иначе¹⁷.

В самом деле, американцы склонны толковать демократию слишком «юридически», только в понятиях законодательства и выборов. Возможно, чересчур большое значение придается самому акту голосования – а это способно скорее отвращать от американского примера, чем делать его привлекательным. Для некоторых обществ – и для средневосточного в частности – демократия сводится к дружелюбному совещанию правителя с подданными, а не к официальному процессу. И где была бы Америка на Среднем Востоке, если бы не монархии Омана, Иордании и Марокко, не говоря уже о прочих недемократических правителях, которые все же борются с экстремистами, враждебными Западу? Будущее американского могущества зависит от того, сможем ли мы понимать исторический опыт других народов, а не только свой собственный. Благодаря собственной – в общих чертах счастливой – истории американцы верят в «единение добрых начал» и полагают, будто все хорошее берется из одного и того же источника, будь то демократия, экономическое развитие или общественные реформы [9]. Но вот Оман демонстрирует: монархия, которую американцы считают безусловно скверным общественным устройством, способна приносить добрые плоды.

Оман доказывает: если для Запада главная и самодовлеющая цель – демократия, то на Среднем Востоке главная цель – справедливость, утверждаемая посредством религиозной и племенной власти, сосредоточенной в руках султана. Кроме того, оманцы понимают: слава богу, мы – не Саудовская Аравия, где монархия действует непривлекательно и угнетает подданных; благодарение богу, мы – не Йемен, похожий на Дикий Запад из-за частично демократического племенного безвластия; и, слава создателю, мы – не Дубай, ибо мы действительно существуем.

Любопытно: Оман столь безмятежен еще и потому, что в стране процветает ибадитская разновидность ислама – не суннитская и не шиитская. (Очаги ибадитского вероисповедания существуют также в Северной и Восточной Африке.) Хотя между ибадитами, склонными к

¹⁷ Похоже, что Оман предоставляет мало политических свобод, зато уважает права человека. «Доклад о соблюдении прав человека в Омане», представленный Государственным департаментом США (2008), отмечает: хотя султан обладает единоличной государственной властью, «в октябре 2007 г. примерно 245 тыс. зарегистрированных избирателей участвовали в свободных и справедливых парламентских (Меджлис аш-Шура) выборах. С одной стороны, свобода слова, печати, собраний и вероисповеданий ограничена, с другой – основные человеческие права обычно соблюдаются. Нет сообщений о произвольных либо незаконных «ликвидациях» граждан либо их бесследном исчезновении по политическим мотивам. Правительство «как правило, соблюдает» запрет на произвольные аресты и заключение в тюрьму.

«анархической демократии», в предшествующие эпохи царил раздор, само ибадитское вероисповедание, подобно многогранному бриллианту, способно также побуждать к примирению, отвращать от вражды, подчеркивать важность спокойного достоинства. Этой вере в известной степени присуща невозмутимость буддизма, несовместимая с призывами к священной войне, джихаду, – и поэтому не многие ибадиты-«диссиденты» привлекаются на государственную службу. Ибадитское вероисповедание – как и *дишдаша*, и тюрбаны, и усыпанные алмазами кинжалы, и традиционная архитектура – еще один фактор, помогающий сплотить нацию воедино.

Наличие умеренно обширных нефтяных и недавно открытых газовых месторождений также способствует политическому и общественному спокойствию в Омане. Султан регулирует экономику посредством консервативного финансового и бюджетного планирования: бюджеты рассчитываются в согласии с заниженными ценами на нефть (относительно мировых цен), чем обеспечивается необычайно высокий платежный баланс. Сам же султан живет далеко не так богато, как многие американские чиновники либо деловые люди. Его дворцы достаточно скромны; а за высокопоставленными оманскими чиновниками не тянутся армады лимузинов и реактивных воздушных лайнеров. Избыточной роскоши, присущей прочим богатым нефтью государствам Персидского залива, здесь не водится.

Этот свойственный султану такт, обнаруживающийся в том, что правит он со сдержанностью и не желает играть заметной роли на мировой сцене – напоминая скандинавских премьер-министров, «довольствующихся малым», и составляя прямой контраст напыщенным правителям вроде иранца Махмуда Ахмадинежада и венесуэльца Уго Чавеса, – может свидетельствовать: султан чувствует себя уязвимым. Само невероятное, совершенное спокойствие Омана, вероятно, пойдет на пользу стране уже оттого, что такая страна не привлекает к себе внимания в регионе.

Однако ныне султан стоит перед лицом некой расплывчатой угрозы своему правлению: ускорившимися переменами, способными покончить с относительной изоляцией Омана. Половине местного населения не исполнилось еще 21 года. Все больше и больше молодых людей носят западную одежду и кепки-бейсболки. Страховые взносы за торговое мореплавание в пределах Персидского залива повысились, возить нефть через Ормузский пролив становится невыгодно и небезопасно. Между гаванями Омана и Дубая возникают новые транспортные связи, не ведущие сквозь пролив, – и дерзкая модель развития, свойственная Дубаю, распространяется в Омане быстрее прежнего. И, хотя в этом регионе дубайскую модель развития часто осуждают за излишнее «низкопоклонство перед Западом», она, подобно самой глобализации, обладает коварной притягательной силой. Отчасти для того, чтобы дать работу всей вышеупомянутой молодежи, отчасти для того, чтобы разнообразить экономику, султанат ныне вынужден поощрять массовый туризм, усеивая девственное прежде побережье курортными поселками для отдыхающих европейцев – которые, в свой черед, повлияют на тщательно сберегаемую традиционную культуру Омана.

Эти болезненные перемены станут вполне очевидными, когда султан, по слухам, страдающий диабетом, перешагнет рубеж семидесятилетнего возраста, не имея престолонаследников. Можно лишь надеяться на то, что и султанская семья, и племенная знать обсудят вопрос между собой и назовут подходящего кандидата. Никто в Омане не предлагает общенациональных выборов, хотя весь процесс, посредством которого будет назван следующий султан, по самой природе своей требует совещаний – и оттого демократичен. Оман отнюдь не просто втиснуть в узкие рамки вашингтонских политических дебатов, за которыми кроется власть отдельных личностей в условиях массовой демократии. Но и безоглядно отвергать демократию нельзя. Предельное сосредоточение власти в одних руках, свойственное Оману, благотворно, лишь если руки принадлежат сильному и просвещенному правителю. Но что случится, если – или когда – власть перейдет к человеку менее сильному и просве-

ценному? Тогда предельная централизация власти обернется бедой. В недемократических государствах, подобных Оману, дела сплошь и рядом обстоят хорошо, пока жизнь движется гладко, – но, когда перед такими государствами встают проблемы, население – особенно молодежь – делается беспокойным. Когда я был в Омане, числясь гостем правительства, то подобно всем знакомым специалистам по Среднему Востоку был приятно удивлен достижениями местного относительно малоизвестного, добродушного правителя. И все же Оман породил во мне беспокойство. Уж больно хорошо выглядело все вокруг – чересчур хорошо. Но я внимательно прислушивался к демократии, зашевелившейся в Иране и Бирме, вернувшейся в Бангладеш, и – несмотря на то что в этом отношении у арабского мира очень скверная слава – почувствовал: продолжающееся экономическое развитие в конце концов породит более свободные общества повсюду. Этого требуют информационные технологии наравне с возникающей глобальной культурой. Как примет Оман эти вынужденные перемены? Следующие несколько десятилетий могут сделаться для страны менее безмятежными, чем текущее.

С правительственной точки зрения, которую изложил мне министр религиозных даров и пожертвований Абдулла бен-Мохаммед аль-Сальми, вопрос коренится в отношениях между племенной и правительственной властью. То есть, объединяя ибадитский имамат, находящийся в пустыне, с прибрежным султанатом, страна ставит великий демократический эксперимент.

Нет лучшего символа для сочетания местной патриархальности с космополитизмом Индийского океана, чем построенная к 2001 г. мечеть султана Кабуса в Маскате. В других странах, управляемых единолично, такая постройка легко могла бы выродиться в памятник не вере и культуре, но гнетущей диктаторской власти. Мечеть воплощала бы не эклектику, но манию величия.

Мне вспоминаются мечеть Саддама Хусейна в Мансурском районе Багдада и Дом республики, возведенный в Бухаресте по приказу румынского диктатора Николае Чаушеску. Строительство обоих зданий было доведено только до середины, когда упомянутых правителей низвергли. Оба здания – архитектурные чудовища исполинских размеров, угнетающие своими громадами все вокруг. По сути, они задумывались как сооружения, фашистские по духу. Мечеть Кабуса – совсем иная. Пусть она по-настоящему велика (периметр ее основания – 1000 × 850 м, а главный минарет возносится на 100 м), но, откуда ни глянь, у мечети правильные, почти уютные пропорции, ненавязчиво излучающие дух изящной монументальности. Двинуться через ее двор и вдоль обходных галерей, пройти под остроконечными сводами арок, вытесанных из песчаника столь изысканно-тонко, что кажется, будто их нарисовали на бумаге росчерками быстрого и верного карандаша, – это значит совершить в своем воображении путешествие из одного конца исламского мира в другой: от Северной Африки до Индостана; это значит мельком заглянуть по дороге в Среднюю Азию, а на Иранском нагорье задержаться надолго. Остроконечные, как бы парящие в воздухе своды напоминают об Ираке. Ярусы и балконы-шерефы на минаретах повествуют о старом Каире; поразительно сложные узоры и крашенные окна заставляют нас мыслить об Иберии и Магрибе, а резные деревянные потолки – о Сирии; керамические плитки приводят на память мечети в Узбекистане и Хиджазе (запад Саудовской Аравии); черно-белые каменные галереи говорят о Египте времен мамелюков; темно-желтый песчаник повествует об Индии (откуда его и привезли); ковры, тканые вручную, и мозаика, изображающая цветы, шепчут нам об Иране. Здесь, под резным и золоченым куполом, который вызывает раздумья о дерзком абстрактном модернизме XXI столетия, сливаются воедино образы греческой Византии, Сефевидского Ирана и Могольской Индии. Здесь прославляется не столько сам Оман, сколько место, занимаемое Оманом в культурном и художественном континууме, простирающемся на тысячи

километров отсюда во всех направлениях. Здесь самое главное – красота и соразмерность, а не восхваление владыки-строителя, которого здесь видят лишь изредка. И, хотя перед нами молитвенное сооружение – мечеть! – сам дух этого места явно приветствует каждого: добро пожаловать, весь белый свет! Здесь веет океаном, а не пустыней.

Но и этот благотворный дух, этот плод средневековой исламской торговли и других извечных соприкосновений с иными народами – дух, нашедший себе странное воплощение в XXI столетии в лице султана Кабуса, не способен, разумеется, помешать превращению океана в зону конфликта или соперничества между великими державами. А с точки зрения этих держав Оман приобретает все большее значение.

Хотя влияние Омана и уменьшилось в эпоху котла и пара, он постепенно возвращает его себе при помощи обновленных и расширенных торговых портов. Уже издали, за десятки километров, из безжизненных дофарских песков заметны скопления высоких портовых лебедек в порту Салалы. Старинный городской центр Салалы, с обширными рынками под открытым небом и многочисленными харчевнями, источает пряный полуафриканский аромат, присущий близлежащим йеменским городам по другую сторону границы. Но этот Салала становится крупнейшим, всемирно важным перевалочным пунктом для компании A. P. Moller-Maersk, одной из самых больших фирм, занимающихся перевозкой грузов в контейнерах¹⁸. Похожее расширение произошло и в Сохаре, на другой оконечности Омана. Сохар был родиной Синдбада-морехода и Ахмеда ибн-Маджида; теперь в Сохаре осуществляется один из величайших всемирных проектов портового развития. А еще Сохар – один из крупнейших морских и промышленных центров с капиталовложениями, превышающими 12 млрд долларов. Сохарский порт способен принимать суда-контейнеровозы, имеющие осадку 18 м. Сохар гордится своими комплексами нефтехимических, металлообрабатывающих и снабженческих предприятий.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, почему это происходит. Мировое нефтеносное средоточие, Персидский залив, становится все более оживленным и опасным местом. Ему грозит не только вероятная война между Соединенными Штатами и Ираном, но также множество осуществимых террористических замыслов, которые могут затронуть как одно отдельно взятое грузовое либо нефтеналивное судно, так и несколько. Более того, усиление Индии и Китая значит, что Персидский залив становится «спасательным кругом» не только для Запада, но и для Востока. Если однажды Персидский залив закроют для судоходства, близлежащие порты, соединенные с ним железными дорогами либо нефтепроводами, приобретут еще большую жизненную важность. Например, порт Сохар в Омане, расположенный у самого Ормузского пролива. Оман, этот образец и пример политической устойчивости, рассматривается странами Персидского залива как вероятное связующее звено между ними и окружающим миром. Хотя в XXI в. Дубай может унаследовать роль, сыгранную в XIX в. Аденом – тогдашним величайшим угольным портом Великобритании в Индийском океане, – все же Дубай, стоящий на берегу Персидского залива, географически уязвим. Поскольку для океанских грузовых судов плавание в Дубай означает плавание круглым путем, этот порт скорее может служить перевалочным пунктом не при морских, а при воздушных перевозках [10]. А пока что порт Салала, расположенный в Дофаре, имеет дополнительное преимущество: он находится почти посередине южной оконечности Аравийского полуострова, практически на одинаковом удалении от Индостана и Красного моря: идеальный перевалочный пункт, как во времена древние, так и в XXI в. Сюда не нужно двигаться круглым путем, и потому Салала, с его ремонтными доками, бункерами, складскими помещениями и причалами для грузовых судов, принимает и обслуживает свыше 1500 судов

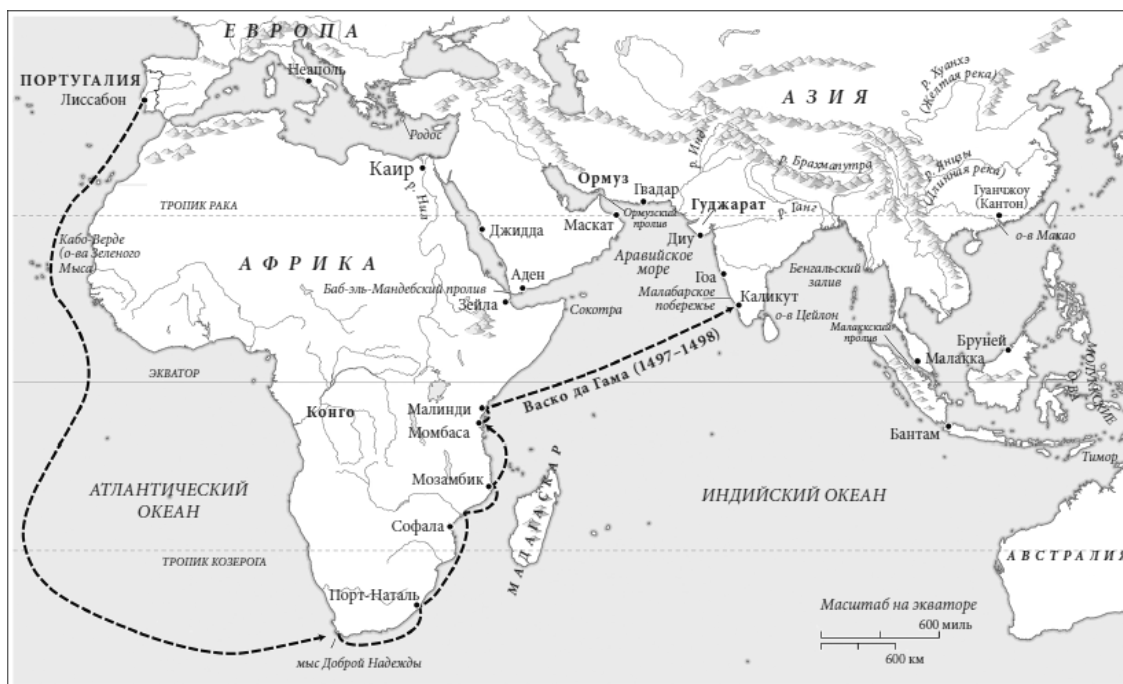
¹⁸ Более известная как Maersk Sealand, датская фирма.

ежегодно. За минувшее десятилетие портовые доходы постоянно росли. Железные дороги и нефтепроводы, сходящиеся в обширных портовых комплексах, бесповоротно покончили с безвластием, царившим в пустыне. И море – тоже, впрочем, покоренное с незапамятных времен ветрами-муссонами – осталось торжествующим победителем.

Глава 4 «Индийские края»

Маскат, оманская столица, – это череда шелестящих волнами сказочных бухт. Причалы и пристани уходят далеко в воду, которая перед наступлением ночи становится серебристо-синей, завораживающей. Прибрежные дома, построенные во времена Великих Моголов и персов, – белокаменные, с зелеными и золотыми куполами – жмутся к подошвам крутых, зубчатых, меланхолично серых гор. Новейших строений – уродливых и безликих, разрушающих прелесть подобного пейзажа – не видно вовсе. Кажется, от Маската рукой подать до Индии, а вот до недалекого Дубая с его «глобализацией на диснеевский лад» нужно проплыть полсвета.

В главной бухте, где Маскат зародился и откуда пополз вверх по склонам двух каменистых горных отрогов, напоминающих спины допотопных ящеров, высятся изъеденные годами стены двух португальских фортов: Аль-Джалали и Аль-Мирани. Эти укрепления воздвигли в 1587 и 1588 гг. как еще один оплот Португалии в борьбе с турками-оттоманами на берегах Персидского залива. Между фортами белеет дворец Аль-Алам, принадлежащий султану Кабусу. Грозно и симметрично высящиеся над гаванью, оба форта насыщены памятью о прошлом. Задумываешься о циклопических португальских бастионах в Ормузе, Малакке, Макао, Мозамбике – и особенно в Диу, близ северо-западного индийского полуострова Катхиявар (штат Гуджарат) [1]. Оборонительные стены метровой толщины, круглые башни, винтовые лестницы, казематы, похожие на пещеры, запутанные переходы-лабиринты – истинные шедевры фортификационного искусства. И невольно припоминаешь всю невероятную повесть о португальцах. Не только на оманской земле красуются подобные постройки: их довольно много на всем побережье Индийского океана.

Новейшую свою историю Индийский океан начал едва ли не как имперская собственность Португалии. За два десятилетия, миновавшие после плавания Васко да Гамы в 1498 г., португальцы завладели всеми важнейшими судоходными и торговыми путями от Восточной

Африки до нынешней Индонезии [2]. Это не значит, что португальцы были в Индийском океане первыми могущественными пришельцами издалека – отнюдь нет! – но только португальцы сумели первыми утвердиться везде и всюду.

Европейцы присутствовали на берегах Индийского океана с глубокой древности. Древние греки забирались далеко на юг, до самой легендарной Рапты, располагавшейся где-то в Восточной Африке, недалеко от Занзибара. Им был известен и Цейлон, описываемый Клавдием Птолемеем в «Руководстве по географии». Поднимались они вверх по Бенгальскому заливу, до самого устья Ганга неподалеку от Кольката (нынешней Калькутты) [3]. В I в. до н. э. греческий мореплавател Гиппал, наблюдая за направлением и силой муссонных ветров, вычислил прямой курс от Красного моря до Индии. Впоследствии Гиппал поделился этими сведениями с римлянами¹⁹.

Каждый год – как пишет Эдвард Гиббон, «когда близилось летнее солнцестояние», – римский торговый флот, подгоняемый муссоном, отплывал из Египта к юго-западному Малабарскому берегу Индии, минуя Аравию. Зимой, когда ветры меняли направление, флот возвращался домой, тяжело груженный шелками, драгоценными камнями, деревом, слоновой костью, заморскими животными и благовониями – например ладаном [4]. Христианство могло достичь Малабарского побережья (описанного Птолемеем) на закате Римской империи [5]. А еще дальше, в Юго-Восточной Индии, на Коромандельском берегу, археологи обнаружили римские амфоры и монеты [6].

Полторы тысячи лет спустя турки-оттоманы объявились и на Красном море – в Йемене и в Персидском заливе, – где заняли иракский город Басру. Захватив Йемен, оттоманы смогли преградить своим соперникам, португальцам, доступ в Красное море. Турки совершали набеги на португальцев даже в Восточной Африке. Однако их попытки расширить и упрочить свое присутствие в Аравии и вокруг Персидского залива, а также укрепиться в Индии провалились, хотя на протяжении XVI в. оттоманы, случалось, подолгу контролировали морские торговые пути в северных водах Аравийского моря. Именно португальцы в итоге положили конец притязаниям турков-мусульман [7]. Но, хотя оттоманы отлично сознавали всю важность Индийского океана (повсеместное соперничество с португальцами стало их навязчивой идеей), Турция была чересчур уж сухопутной империей, чтобы вести упорные военные действия в далеких тропических водах. Воюя с венецианцами в Средиземноморье и с австрийскими Габсбургами в Центральной Европе, а источником снабжения имея Константинополь, столь удаленный от Индийского океана, турки чувствовали себя стесненно. Неизбежным образом Индийский океан превратился для них во второстепенный театр военных действий [8].

Сопоставьте неудачи турков с достижениями португальцев, чьи солдаты и моряки в 1510 г. заняли Гоа на западном индийском берегу, в 1511 г. – Малакку (Малайский пролив), в 1515 г. – Ормуз (близ Маската, на побережье Персидского залива) и в 1518 г. – Коломбо на острове Цейлоне. Всего лишь через 23 года после того, как португальцы обогнули мыс Доброй Надежды, они уже достигли Явы. Архитектура всех европейских укреплений, построенных в Азии, следует образцам португальской фортификации. К 1571 г. на северных берегах Индийского океана насчитывалось примерно 40 португальских факторий и фортов, похожих на Аль-Джалали и Аль-Мирани. Эти твердыни грозили судоходству на путях, ведущих к Леванту, Персидскому заливу, Аравийскому морю, Бенгальскому заливу и Восточной Азии,

¹⁹ Гиппал мог быть греческим выходцем из Египта, хотя многие сомневаются в том, что Гиппал существовал вообще. Точная дата его открытия остается неясной. Природа муссонных ветров могла быть уже известна европейцам, поскольку Непарх, флотоводец Александра Македонского, отплыл из Индии в 326 г. до н.э. См.: Hourani. Arab Seafaring. P. 25; Freeman D. B. The Straits of Malacca: Gateway or Gauntlet? Montreal: McGill-Queen's University Press, 2003. P. 12; Verlinden Ch. The Indian Ocean: The Ancient Period and the Middle Ages // Chandra S. The Indian Ocean: Explorations in History, Commerce and Politics. New Delhi: Sage, 1987. P. 32.

а иногда и контролировали мореплавание [9]. По сравнению с кораблями, которые появятся на Средиземном море в XVII в., тогдашние португальские галеоны и карраки могли выглядеть неуклюже, но, сочетая латинское и прямое парусное вооружение, неся на борту артиллерийские орудия, они намного превосходили суда турецких, египетских и малайских пиратов, использовавших гребные галеры и одномачтовые галиоты. Галеоны и каракки были судоходнее и боеспособнее, чем китайские джонки²⁰ и арабские фелуки, с которыми португальцы тоже столкнулись в Индийском океане в XVI в.

Одержимые искатели приключений стремились создать всемирную морскую империю. Они были безжалостны в погоне за богатством, бесстрашны до безрассудства, обременены грубым умственным багажом, доставшимся в наследство от Средневековья, и самозабвенно чтили Деву Марию. Вера и алчность шествовали рука об руку. Португальцы грабили – но только тех, кого считали презренными безбожниками. Эта железная вера провела моряков сквозь несметные бури, через долгие месяцы лютой и нескончаемой качки. Солдаты ютились в трюмах – теснясь, точно сельди в бочке, изнывая от цинги и малярии. Между 1629 и 1634 гг. из 5228 солдат, покинувших Лиссабон, только 2495 добрались до Индии живыми. Остальные погибли от болезней, изнеможения и при кораблекрушениях²¹. Повесть о португальских плаваниях в Индию и обратно – рассказ о муках почти неопишуемых.

Индийский ученый и государственный деятель К. М. Паниккар зовет португальскую морскую экспансию в Персидском заливе и Южной Азии попыткой «обойти сухопутные пределы, в которых ислам безраздельно властвовал на Среднем Востоке, и тем самым вырваться из “средиземноморского заточения”» [10]. Вместе с этой сухой стратегической логикой играл свою роль и религиозный католический пыл, свойственный людям с горячей кровью. Паниккар напоминает нам, что дух крестовых походов сохранялся в Иберии гораздо дольше, чем в остальной Европе. Ислам был в Иберии не просто «далекой опасностью», но близкой угрозой, благодаря существованию мусульманских царств, по-прежнему процветавших чуть ли не за самым португальским порогом. «Ислам оставался главным врагом, и следовало сражаться с ним повсюду» [11]. Этим обстоятельством, больше чем любым иным, объясняется лютая жестокость, которую столь часто обнаруживали португальцы на северных побережьях Индийского океана. Оправдывая свирепое и массовое истребление туземцев, португальский летописец XVI в. Жуан ди Барруш пишет так:

«Мавры... не признают закона Иисусова, закона истинного, который любой и всякий должен блюсти, чтобы избежать проклятия и не быть ввергнутым навеки в геенну огненную. И, коль скоро душа людская уже обречена сему проклятию, то какое же право имеет бренная плоть на блага, даруемые нашими законами?» [12].

Можно с осторожностью утверждать, что действия Португалии в Индийском океане были настоящим Восьмым крестовым походом. Прежние семь сосредоточили свои усилия на Леванте (мусульманские земли, прилегающие к Восточному Средиземноморью) – но этот поход уводил завоевателей гораздо дальше к востоку: в те земли, где из четырех главных держав – Османской Турции, Сефевидского Ирана, Индии и Китая, которым правила династия Мин, – три были мусульманскими [13].

Упомянутые факторы объединились в мифе об инфанте Энрике или принце Генрихе Мореплавателе. «Он еще в отрочестве, – пишет Паниккар, – впитал дух воинствующего христианского мистицизма» в сочетании с «пылкой ненавистью» к исламу. Будучи юношей, в 1415 г. принц Генрих организовал успешную военную экспедицию против марокканского города Сеуты – первый в истории набег португальцев на африканские владения

²⁰ Джонки – усовершенствованные китайские суда, созданные во времена династии Сун (X в.).

²¹ Как правило, плавание от Лиссабона до Гоа в Индии занимало месяцев шесть-восемь без передышки. См.: *Russell-Wood A. J. R. The Portuguese Empire, 1415–1808: A World on the Move*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. P. 37, 58, 59, 73, 119, 219.

мусульман. Эта вылазка имела огромное символическое значение: именно из Сеуты мусульмане отправились в 711 г. завоевывать и покорять Иберию. С тех пор – по крайней мере согласно легенде – Генрих утратил интерес к ограниченным военным действиям и взялся разрабатывать широкую стратегию, нацеленную на то, чтобы охватить весь исламский мир с флангов и ударить по нему из опорных твердынь, возведенных на берегах Индийского океана. Такая стратегия сулила и дополнительную выгоду: посредническая роль, которую играли арабы в торговле восточными пряностями, существенно уменьшилась бы. Оттого, продолжает легенда, принц Генрих буквально бредил Индией, а это в свой черед породило в нем интерес к мореходству. И в свой замок, и в укрепленный лагерь на мысе Сагреш, который выдается тремя сторонами в продуваемую ветрами Атлантику и является крайней юго-западной точкой как Португалии, так и всей Европы, Генрих, как рассказывают, приглашал «математиков, картографов, астрономов и мавританских пленников, хорошо знавших далекие острова» [14]. Близ бурных волн одного океана португальцы обдумывали, как захватить другой.

Однако на самом деле – пишет, противореча Паниккару и прочим, оксфордский ученый Питер Рассел в своей работе «Генрих Мореплаватель: жизнеописание» – большинство подобных рассказов попросту недостоверно. По его словам, Индия была в представлении Генриха землей, ныне зовущейся Африканским Рогом – и ничем иным. Хотя Генрих и был крестоносцем в душе, но, вероятно, четкого плана, предусматривавшего фланговый охват мусульманского мира, у него не имелось, и в Сагреш он удалился отнюдь не затем, чтобы изучать картографию и навигацию [15]. Но предание о Генрихе Мореплавателе, возникшее после его смерти, правдиво – в том смысле, в котором часто правдивы любые подобные мифы: они обнаруживают истинные побуждения и устремления целого народа. В нашем случае – народа португальского.

Не только зерна, золота и специй искали португальцы: они действительно собирались предпринять фланговый охват ислама – особенно после того, как мусульмане турки захватили в 1453 г. Константинополь²². Но, по иронии судьбы, принц Генрих вошел в историю не как запоздалый крестоносец – которым он и был, – а как просвещенный деятель эпохи географических открытий. Его навигационная школа (возможно, вымышленная потомками) положила начало дальнейшим всемирным странствиям португальских моряков и землепроходцев.

Принц Генрих умер в 1460 г. Используя опыт и знания, накопленные во время набегов на марокканские и мавританские берега, Диего Кан отплыл из Португалии в 1483-м и сумел добраться на юге до самого устья африканской реки Конго. Пятью годами позже никому дотоле не известный мореход Бартоломеу Диаш обогнул Африканский континент и впервые открыл Португалии выход в Индийский океан.

По словам одного из тогдашних летописцев, именно Диаш дал название мысу Доброй Надежды, ибо рассчитывал достичь его снова, отправившись в следующее путешествие, и потом добраться до Индии. Однако в следующем путешествии Диаш погиб: его корабль буквально развалился на части, пересекая Южную Атлантику. И лишь Васко да Гама в 1497 г. обогнул мыс Доброй Надежды, а после поднялся вдоль восточноафриканского побережья до Малинди в нынешней Кении.

В Малинди жил человек, в чьей голове хранились все познания об Индийском океане, за несколько сотен лет накопленные арабами, – сведения о ветрах и течениях, о гава-

²² Но, как замечает Фернан Бродель, турки заняли Египет и Сирию уже после путешествия Васко да Гамы, а значит, охват Османской империи с флангов был всего лишь составной частью крестоносных португальских замыслов, направленных против исламского мира. См.: *Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol. 2.* P. 667, 668. (На рус. яз.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 ч. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Пер. с фр. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2003. Ч. 2.)

нях и береговых угодьях. Этот человек – оманский уроженец, лоцман по имени Ахмед ибн-Маджид, – согласился помочь Васко да Гаме. Маджид плавал по Индийскому океану столетия и был истинным кладезем арабской мореходной мудрости²³. Он знал, как легче всего проникнуть в устья Инда и Тигра, как не сесть на мель у берегов Мозамбика, где лучше высадиться в Индии и по обе стороны Красного моря [16]. Поскольку арабский мир был очень велик и многообразен, в Восточной Африке, на огромном расстоянии от Иберии и Среднего Востока, португальцы могли довериться такому арабу, как Маджид, – хотя и намеревались задать хорошую трепку его единоверцам, обитавшим вдали.

То ли сам ибн-Маджид, то ли другой рекомендованный им арабский лоцман помог Васко да Гаме пересечь Индийский океан от Кении до Калькутты на Малабарском берегу Индии всего лишь за 23 дня. Дело было весной 1498 г., и путешествие оказалось невероятно быстрым благодаря юго-западному ветру – муссону²⁴. (Для сравнения: в конце XVI в. довольно короткий путь по Средиземному морю от Венеции до Святой Земли занимал целых два месяца.) Португальцы не «открывали» Индии – задолго до них это сделали греки, римляне и арабы, – но возобновили тесную связь Индии с Европой. Не Индию как таковую открыл Васко да Гама Европе, а систему воздушных потоков, помогавшую добраться до нее.

Не найти случая красноречивее, чем это «открытие», сделанное одной цивилизацией при помощи опыта и знаний, которые накопила другая. В конце концов, португальцам содействовал не только лоцман ибн-Маджид. По сути, арабский и еврейский народы завещали португальцам свои географические карты и астробии (предшественницы секстантов), но именно иберийские мореплаватели возвели средневековую картографию в ее зенит²⁵.

Открыв морской путь из Европы на Восток, португальские моряки помогли покончить с разрозненностью человечества. Преодолению разрозненности содействовали, разумеется, и Великий шелковый путь, и другие старинные дороги, пересекавшие азиатскую сушу. В XIV в. пришло общее крушение монгольской мощи, за ним – упадок империи Тимуридов; в начале XVI в. Сефевидская Персия возвысилась, и ее отношения с Османской империей сделались натянутыми. Как следствие, сухопутные дороги, пересекавшие Азию, стали менее безопасны. Вполне предсказуемо, их роль и далее уменьшалась, поскольку португальцы открыли простой морской путь на Восток [17]. Когда судоходное сообщение установилось, весь Восток – невиданным образом и в неслыханной степени – оказался втянут в европейские раздоры. Впервые стало возможным говорить об истории поистине всемирной, а не только взятой отдельно европейской, индийской либо китайской [18]. С тех пор уже нельзя писать об одном отдельно взятом регионе без упоминания о других.

Еще более заметным итогом португальского плавания вокруг мыса Доброй Надежды оказалось уменьшение важности Средиземноморья по сравнению с гораздо более обширным Индийским океаном, где связи между цивилизациями были даже богаче [19]. Как ни велик подвиг Васко да Гамы, все дело сводилось к усердию и выносливости – выносливости, почти невообразимой по нашим временам и меркам. Нынче одна лишь мысль о том, чтобы провести долгие месяцы или целые годы в тесном корабельном трюме, где свирепствует цинга, показалась бы чудовищной. Поистине это было подвигом душевной стойкости. Но португальская империя на Индийском океане возникла не как прямой итог путеше-

²³ Не только арабы, но и индийцы тоже исследовали северную часть Индийского океана задолго до португальцев, достигая Восточной Африки и острова Борнео, лежащего за Малаккским проливом.

²⁴ Они прибыли туда 20 мая. Обратное плавание заняло четыре месяца, ибо ветры дули навстречу. Почти половина экипажа погибла; уцелевших моряков измучила цинга. См.: *Fernández-Armesto F. Pathfinders: A Global History of Exploration*. N. Y.: Norton, 2006. P. 180.

²⁵ Астробия представляла собой толстую бронзовую тарелку с поворачивавшейся на оси визирной линейкой – алидадой. Этим прибором, которым пользовался Ахмед ибн-Маджид, измеряли высоту известных звезд над горизонтом, чтобы вычислить географическую широту и время суток. Астробия появилась во второй половине VIII в., ее изобрел багдадец Мухаммед ибн-Ибрагим аль-Фазари.

ствия, совершенного да Гамой, а благодаря настойчивости, уму – и, конечно, выносливости – другого морехода, Афонсу д'Албукерки.

Вслед за Васко да Гамой, также обогнув Африку, д'Албукерки отправился в Индию, где принял стратегически важное решение поддерживать дружелюбных владык, правивших на Малабарском побережье. Он сразу же понял: маленькая и далекая Португалия не сможет непрерывно контролировать необъятный Индийский океан, если помимо опорных пунктов не создаст на его побережьях и особую заморскую цивилизацию. Недостаточно было держать в руках основные пути выхода в океан: мыс Доброй Надежды, Баб-эль-Мандебский, Ормузский и Малаккский проливы. Требовалась португальская столица на индийской земле. Д'Албукерки создал ее в Гоа, к югу от нынешнего Мумбая (бывшего Бомбея), на западном, Конканийском, берегу Индии. Со временем Гоа вырос в большой город, с укреплениями и соборами. Чтобы удерживать и расширять Гоа, д'Албукерки, подстегиваемый своей неукротимой ненавистью к мусульманам, заключил стратегический союз с индуистской Виджаянагарской империей. По приказу д'Албукерки в Гоа поголовно перебили мавров – и навряд ли стоит романтизировать образ этого завоевателя, хотя он был человеком огромных способностей и добился многого.

Этот вице-король, прозванный Цезарем Востока, занял Ормуз и захватил Малакку, откуда отправлял экспедиции – разведывать и при удачных обстоятельствах покорять Ост-Индию. На острове Сокотра он возвел крепость, чтобы частично закрыть Баб-эль-Мандебский пролив и отнять у арабских торговцев возможность добираться до Индии через Красное море [20]. Стремление д'Албукерки закрыть мусульманам всякий доступ к Индийскому океану в конце концов почти истощило силы Португалии. Действуя за тысячи километров от родной страны, мореплаватель никогда не имел в распоряжении более 4000 матросов и располагал довольно малой эскадрой. К тому же д'Албукерки был сравнительно пожилым человеком, давно шагнувшим за пятидесятилетний рубеж [21]. В непрестанной борьбе он силой создал на устрашающе бескрайних океанских просторах зыбкую империю. Нынешняя всемирная система судоходства, кое-как возглавляемая американцами, должна создать нечто стратегически подобное, опираясь на содействие индийцев и – будем надеяться – китайцев. Другого выхода из положения попросту нет.

Несмотря на достижения д'Албукерки, многое осталось как было. Вокруг Индийского океана перемены происходили постепенно даже тогда, когда португальский империализм расцветал пышным цветом. «Туземные империи и торговые государства сохранили свое господство и остались по большей части нетронутыми, хотя европейцы сновали и суетились... у их “опушек”», – пишет ученый Фелипе Фернандес-Арместо [22]. Если на оманских берегах высились несколько португальских твердынь, то в глубине страны, в пустынях, не было ни единого укрепления. Правда, португальцы сумели закрыть Красное море для мусульманского судоходства – в соответствии со стратегией, нацеленной на фланговый охват ислама. Они также одолели мамелюкский (египетский) флот в Аравийском море [23]. Но если открытое море могло считаться владениями христиан, то значительная часть побережий и все внутренние области оставались мусульманскими.

Как первая из империй, возникших в Новое время, Португалия оказалась не только слабейшей, но и самой средневековой по сути. Ее мореходы взламывали двери в окружающий мир – однако платили за это чудовищную цену. Португальцы не столько открывали для себя Восток, сколько чинили «пиратские набеги» на него, разрывая и разрушая – пусть и медленно – взаимовыгодную и мирную сеть морской торговли, целые столетия связывавшую арабский и персидский мир с дальневосточными странами. Между прочим, враждебная всему остальному миру замкнутость Китая и Японии родилась из горького опыта, полученного при встречах с португальцами. В действительности португальцы представляли жителям Востока не современный им Запад, а Европу, какой она была в позднем Средневековье.

Жесточайшие битвы за обладание Марокко, длившиеся без малого столетие, притупили португальскую чувствительность. Иберийская солдатня почти не отличалась от разбойников с большой дороги [24]. У португальцев изощренное, вполне современное стратегическое планирование шло рука об руку с повадками, которые временами напоминали о самых страшных деяниях инквизиции. Эти моряки считали восточных жителей язычниками, а потому свирепствовали напропалую и повествовали о совершенных злодеяниях безо всякого стеснения. Британский историк Дж.-Х. Плам писал:

«Они зверски уничтожали экипажи захваченных мусульманских фелук. Некоторых пленников развешивали на реях как живые мишени для учебной стрельбы. Другим отсекали кисти рук и стопы, а затем отправляли шлюпки, наполненные обрубками, к местному властелину, советуя ему приготовить жаркое из человечины. Не щадили ни женщин, ни детей. На заре своих плаваний португальцы грабили и отнимали почти так же часто, как и покупали. <...> Звавшие себя сынами Христовыми, они ходили по колена в крови, но возводили церкви, строили духовные семинарии, поскольку, в конце концов, с их точки зрения, весь этот разбой считался своеобразным крестовым походом, и, сколь ни велико было земное воздаяние, доставшееся Васко да Гаме <...> и ему подобным, посмертное, полагали португальцы, окажется еще большим» [25].

Да Гама искал «христиан и пряности». Он успел наполнить корабельный трюм перцем, а по дороге домой потопил у индийских берегов судно, везшее из Мекки 700 мусульманских паломников [26]. В 1507 г. д'Албукерки разграбил и сжег Маскат. Португальские флибустьеры обосновались на Цейлоне и в Бирме, после чего продали в рабство десятки тысяч туземцев. Подобные действия наравне с завоеваниями размаха, какого сумели достичь португальцы, говорят о крайней узости религиозных взглядов и фанатизме, не ведающем сомнений. Если «сомнение, – как пишет Т. Э. Лоуренс в книге “Семь столпов мудрости”, – это наш современный терновый венец», то португальцам до наших современников было далеко [27]. Британский ученый Ч. Р. Боксер отмечает: невзирая на мимолетные колебания и опасения, «уверенность в том, что с ними Бог и что Божий Промысел прямо поощряет и направляет их поступки», служила решающим фактором. И не только, как пишет Боксер, при захвате марокканского города Сеуты в 1415 г., но и на всем протяжении XV и XVI вв., пока португальцы нащупывали путь мимо западноафриканского побережья на юг и далее – в Индийский океан²⁶.

Полагавшие себя избранным народом, которому сама судьба назначила быть мечом истинной веры, португальцы являют пример такого неустрашимого и часто экстремистского религиозного национализма, какой в истории встречается не часто [28]. Впечатляющие и безудержные португальские завоевания на берегах Индийского океана мало чем отличаются от арабских завоеваний в Северной Африке, происходивших девятью веками ранее. Нам, на Западе, где теперь стираются межнациональные границы и стихла межнациональная рознь, стоило бы вспомнить: боевой дух по-прежнему остается ключом к военной победе. В особенности боевой дух, укрепляемый ограниченными и незыблемыми убеждениями, зачастую возникающими на почве религиозной либо националистической. Воинствующее начало, которое воплощали собой средневековые арабы и позднесредневековые португальцы, преследует нас и поныне. Дальнейшее могущество американской державы в значительной степени зависит от того, насколько решительным образом Америка противостанет врагам – фанатикам, верящим в свою правоту крепче, чем Америка – в свою.

²⁶ Некоторые критические взгляды Боксера, изложенные в его главной книге «Португальская мореходная империя» («The Portuguese Seaborne Empire»), подвергает сомнению ученый Холден Фербер, который считает, что в эпоху парусного мореплавания между азиатами и европейцами существовало тесное сотрудничество. См.: Ashin Das Gupta, M. N. Pearson, eds. *India and the Indian Ocean, 1500–1800*. Kolkata: Oxford University Press, 1987. P. 131.

Португальская империя была одновременно рабовладельческой и военной. Если у испанцев, завоевавших Новый Свет, покоривших Мексику и Перу, новыми землями правили гражданские чиновники (во всяком случае, поначалу), то подавляющее большинство мужчин-португальцев, отплывавших из Лиссабона к берегам Западной Индии, были солдатами. «Сия земля есть беспокойная область наших завоеваний», – писал францисканский проповедник, следивший за событиями из Гоа, в конце XVI в. [29].

«Беспокойной областью» было все пространство за мысом Доброй Надежды – от Берега Суахили в Восточной Африке до Тимора в Индонезийском архипелаге. Все это пространство звалось у португальцев «Эштаду да Индиа» (Государство Индийское). Собственно, о целом бескрайнем Востоке говорилось «Индия» или «Индийские края», ибо, как мы уже видели, арабы, персы, индусы и другие торговцы превратили земли и воды Востока в своеобразную культурную систему – единую и благодаря предсказуемым ветрам-муссонам легко достигаемую в любой своей точке.

Чтобы яснее понять, каким образом сумели португальцы столь быстро утвердиться во всей этой части света, нужно помнить: если климатическая, культурная и торговая система объединяла берега Индийского океана, то с точки зрения политической этот обширный регион пребывал в разладе – можно сказать, в практически полной неразберихе. Целые скопища маленьких и слабых государств могли быть легко завоеваны решительным пришельцем или подпасть под его влияние. На примере Омана мы убедились: море объединяет людей, а из материковой глубины часто приходит хаос.

Ни одна географическая карта, когда-либо нарисованная человеком, не могла бы преодолеть культурным и политическим разнообразием карту Индийского океана, какой она была в начале XVI в. Карта отображала контролируемую анархию. Давайте для начала двигаться с запада на восток. Прибрежная полоса Восточной Африки усыпана суахильскими городами-государствами; важнейшие среди них – Килва, Момбаса, Малинди. Арабский язык, пересыпанный персидскими словами и оборотами, был для них, так сказать, международным. Продвигаясь вдоль берега к северу и далее минуя Аравию, португальцы видели Оман и множество других государств и племен, ряд которых оставался независимым, но большинство находилось под властью мамелюков (чужеземных рабов, обращенных в ислам и правивших Египтом, Сирией и Хиджазом на западе Саудовской Аравии с XIII по XV в.). Еще далее к востоку, близ вод Персидского залива, новая шиитская династия Сефевидов (Иран) распространяла свое владычество на внутренние материковые области. Близилось ее столкновение с османскими турками-суннитами – столкновение, быстро истощившее силы обеих держав. А Индию, которую по-прежнему делили между собой индуисты и мусульмане, вот-вот должны были завоевать и покорить Великие Моголы, шедшие из тюркской Средней Азии. На землях Северной Индии существовали мусульманские княжества Гуджарат, Дели и Бенгалия. Прочие мусульманские султанаты на южном плоскогорье Декан враждовали друг с другом и с индуистской Виджаянагарской империей – той самой, с которой д'Албукерки заключил союз, чтобы легче утвердиться в Гоа. Арабские и персидские торговцы кишели по всем индийским побережьям и на острове Цейлон, в свой черед разделенном буддистами-сингалами и тамилами-индуистами на отдельные области.

Что касается региона, известного в наши дни как Юго-Восточная Азия, то, по словам Боксера, он был «занят множеством враждовавших государств, чьи калейдоскопические взлеты и падения проследить немислимо – даже в общих чертах». Спускаясь по Малайскому полуострову в сторону Индонезии, мы посетили бы царства Патани, Сингору (Сонгкхлу) и Лигор (Накхонситхаммат), находившиеся под сиамским политическим влиянием, «но испытывшие также китайское воздействие – культурное и торговое». Малакка, чьи правители приняли ислам в XIV в., но приветствовали в своей гавани купцов-индуистов, была

богачейшим султанатом полуострова. Главные острова Индонезийского архипелага делились между крошечными воинственными государствами. Что касается Китая, то, испытывая натиск японских пиратов и кочевников-монголов, он, в сущности, ушел из просторов Индийского океана, где в минувшие времена присутствовал полноправно и широко благодаря плаваниям флотоводца-евнуха Чжэн Хэ [30].

Если читатель уже сбился с толку, то поясняем: в этих обстоятельствах и кроется суть дела. Исламское завоевание произошло тогда, когда в VII в. Аравию и Северную Африку, где существовали полосы чуждых византийских и берберских владений, охватило безвластие. Точно так же и португальское нашествие на индийские моря случилось во времена слабых княжеств и встревоженных империй – например Китая, где правила династия Мин, Персии, где владычествовали Сефевиды, и Османской Турции. Но полное политическое преобладание на Индийском океане было недостижимо в эпоху парусного флота – из-за муссонов. Муссоны делали плавание в одну сторону быстрым, но путешествия в оба конца становились невероятно медленными, поскольку направление ветра не менялось долгие месяцы [31]. Итак, португальцы не столько завоевывали Восток, сколько заполняли на нем великую прореху безвластия – приходили на смену отступавшим китайцам, подводили индийские моря к новой исторической фазе.

Сколь ни были португальцы уязвимы и нетерпимы во многих вопросах, они умели являть и широту души. Именно этой стороной их национального характера объясняются самые крупные португальские успехи в имперском строительстве²⁷. Со временем дипломаты, купцы, естествоиспытатели и ремесленники-умельцы влились в ряды солдатни, сновавшей между Лиссабоном, Персидским заливом и Индией. Многие путешественники были образованными, любознательными людьми, для которых странствие – отнюдь не единственный и последний способ бежать от невзгоды. «Глубина, широта и разнообразие проводимых исследований составляли приметную особенность португальского мира», – пишет историк А. Дж. Р. Рассел-Вуд, сотрудник Университета Джонса Хопкинса. Как показывает случай с ибн-Маджидом, португальцы полагались на арабских лоцманов, если пересекали ширь Индийского океана, и на арабских, гуджаратских, яванских и малайских лоцманов, если плыли от Малабарского берега Индии к востоку – на Цейлон, в Сиам (Таиланд) или к архипелагам Юго-Восточной Азии. Они брали на службу туземных воинов и выказывали уважение к местным ремеслам и промыслам. Они сделались искушенными знатоками индийских изделий, особенно мебели. «По-видимому, не было ни единого людского занятия, ускользнувшего от рысего взора и чуткого слуха странствовавших по свету португальцев», – пишет Рассел-Вуд [32]. И хотя они могли быть неопишимо свирепы, но случалось – в Африке, например, – что португальцы применяли силу как самое последнее средство при положениях безвыходных, а обычно возводили форты и строили фактории лишь в результате долгих и терпеливых переговоров [33]. Соединенные Штаты могли бы многое позаимствовать из положительных сторон португальского имперского духа, оставившего глубокий культурный отпечаток в Муссонной Азии, где множество туземцев обратились в католичество, а на Шри-Ланке и Молуккских островах португальский язык звучит и поныне.

Опьянев от новоприобретенного богатства, португальцы бездумно транжирили свое золото. Имперская добыча не отправлялась на родину, для нужд ее развития. Португалия оставалась маленьким – неограниченным и тусклым – алмазом; ей недоставало настоящей буржуазии – до самого XX в. Подумаем о нищенстве на склоне лет, которое следует за разгульной юностью, мотовством и поисками бесшабашных приключений. Подумаем о зимнем

²⁷ Некоторые ученые утверждают, что португальцы вели себя не намного хуже, чем голландцы и англичане; что лишь англо-американская заносчивость породила в людских умах отрицательный образ португальского колониализма. См.: McPherson K. *The Indian Ocean: A History of People and the Sea*. New Delhi: Oxford University Press, 1993. P. 267.

Лиссабоне – этом, как выразился Фернандо Пессоа, португальский поэт и мыслитель первой половины XX в., «величественном оборванце» [34]. Эпоха Возрождения цвела в Португалии недолго – благодаря природному консерватизму местного населения, Контрреформации в Европе, возвышению иезуитов и инквизиции. Просвещение в маленькой стране, лежащей далеко за Пиренеями, было погашено. В океанской португальской империи высшими учебными заведениями являлись только орден иезуитов и другие религиозные сообщества, боровшиеся против Реформации. А мусульмане держались упорно и стойко, обретая безопасность в своих диаспорах, разбросанных по всем тропическим морям, от Леванта до самого Дальнего Востока. Они просто скоротали время и пережили португальцев, чью империю впоследствии «остругали» голландцы и англичане [35]. Наконец, Восьмой крестовый поход провалился: сказались на нем и туземные особенности, присущие «Эштаду да Индия», и религиозные войны в Европе, где христианство «разделилось в самом себе».

Что эллины и римляне сделали для Средиземноморья, то португальцы сделали для Индийского океана: придали ему историческое и литературное единство – по крайней мере в глазах Запада. Если Гомерова «Одиссея» и Вергилиева «Энеида» стали мифами, основанными на полузабытых событиях незапамятной давности, то «Лузиады» – эпическая поэма, сложенная Луисом де Камозэнсом о португальских морских завоеваниях в Индийском океане, – опираются на вполне определенное историческое событие: плавание Васко да Гамы в Индию. А состоялось оно лишь за несколько десятилетий до того, как возникла поэма.

Васко да Гама, изображаемый Камозэнсом, отличается от Одиссея либо Энея тем, что перед нами скорее живой человек, а не собирательный образ. Васко да Гама лишен романтических или трагических черт; он даже не слишком интересен. Как уже говорилось, наиболее выдающаяся особенность Васко да Гамы – огромная выносливость, умение целыми годами терпеть неуверенность и одиночество, переносить лишения и тяготы, есть гнилую пищу и мучиться от цинги среди беснующихся океанских волн; способность глядеть, как пушечные ядра буквально разрывают людей на клочья во время прибрежных сражений, – пока соплеменники да Гамы наслаждаются домашним уютом, сидя в Лиссабоне [36]. «Он тысячи опасностей страшился / И лишь на волю вырваться стремился», – как говорится в поэме [37]. В разгаре шторма, когда «пучины разверзаются до преисподней», Васко да Гаме, «истерзанному сомнениями и страхами», некого призывать на помощь, кроме Всевышнего. И он обращается к Богу с проникновенной речью, моля об умиротворении стихии: «Великая, божественная сила! / К тебе я ныне, бедный, припадаю... / Неужто шторм ужасный не уймется / И нам еще придется с ним сражаться? / И разве лучшей доли не найдется / Для тех, кто ныне обречен скитаться, / Кто славит твое имя неустанно / Среди волн неумолимых океана!»

...Пока он говорил, неумоимо
Лихие ветры такелаж крушили.
Подобные быкам неукротимым,
Сменить свой гнев на милость не спешили.
И вереницы молний негасимых
Нахмуренное небо озарили.
Уже стихии меж собой сражались.
На землю небо сбросить собирались [38].

Но моряки пережили бурю и достигли Индии. А поскольку Луис де Камозэнс излагает вполне истинные события, эта повесть о приключениях потомков Луза (мифического основателя Португалии) среди бескрайних и неведомых океанских хлябей кажется читателю

невероятнее античных поэм, чьи герои-мореходы «жались поближе к берегам» [39]. Разве Одиссей или Эней, спрашивает Камознс, осмеливались выйти в «истинные океаны», разве они «хоть мельком» видали то, что видел да Гама? [40]. Помыслить жутко об одиссеях, длившихся много месяцев или даже лет, о многотрудных скитаниях португальцев по Индийскому океану. До тех пор пока люди не примутся странствовать среди других планет, им не дано больше испытать здесь, на нашей вращающейся Земле, той болезненной, великой и непреодолимой затерянности, которую ощущали португальские мореплаватели.

В поэме великан Адамастор, стоящий на страже у мыса Доброй Надежды (мыса Бурь), пробуждает в этих мореходах страх и неуверенность: не чересчур ли далеко отважились они проникнуть? Но португальцы не поворачивают вспять. «Лузиады» вмещают в себе самую суть португальских свершений в конце XV и на протяжении XVI в.: вытащить Запад за пределы «тесных средиземноморских горизонтов» и, по словам оксфордского ученого Мориса Боуры, открыть ему «вид, охватывавший половину земного шара» [41].

Камознс – первый великий мастер европейской литературы, который пересек экватор, увидел тропики и побывал далеко на востоке. На «путях, которых не знают карты», его спасали от гибели «среди волн капризных и коварных» только «хрупкие шпангоуты» [42]. Насыщенные подробностями, красочные описания Индийского океана, оказывающего страшное воздействие на людей, свидетельствуют: Камознс хорошо знал, о чем писал.

Грозой нам доводилось любоваться
И видеть молний яркое свечение,
Которое полнеба зажигало
И в мрачном море вскоре исчезало [43].

Очень живо Камознс воспел и Восток – побережья Индийского океана, которые поэт зовет «индийскими краями». Он пишет о мозамбикских парусах, сделанных из пальмовых листьев; о туземцах, которые ходят с голой грудью и носят кинжалы; о лиловых кафтанах жителей Малинди, о позолоченных воротниках и бархатных туфлях тамошнего повелителя. Затем заходит речь о Дофаре, «источнике наших чудеснейших храмовых благовоний». Потом об острове Бахрейн в Персидском заливе, где «...океанское ложе / Усеяно перлами, подобными лучам утренней зари». Камознс повествует о «просторных шатрах» и «ласковых рощах» близ индийского дворца, об ароматном бетеле, о черном и жгучем красном перце, об имбире, и о драгоценных камнях, и о «чудовищных индийских божествах, крикливо раскрашенных и многоруких». Он описывает подводные травы у Мальдивских островов, сандаловые деревья Тимора и жителей Бирмы, «препосясывающих чресла свои поясками с бубенчиками» [44]. Поскольку поэт проделал тот же путь, что и Васко да Гама, эпическое повествование изобилует достоверными подробностями. Описание пира в Калькуттском дворце приводит на память описания ацтекской Мексики, сделанное Берналем Диасом дель Кастильо, летописцем экспедиции, которую возглавлял Кортес.

Камознс, галисиец по происхождению, появился на свет в 1524 г. Вырос он в самом сердце Португалии, в Коимбре, знаменитой своим средневековым университетом, где Камознс учился. Классический дух эпохи Возрождения уже напитывал все вокруг, и поэт погрузился в изучение греческой и латинской литературы. «Основательность полученного им образования, – замечает британский ученый Эдгар Престидж, – видна уже по одному тому, что Камознс писал свою эпическую поэму, изобилующую ссылками на античные и другие литературные источники, в африканских и азиатских крепостях, вдали от любых библиотек» [45].

В Страстную пятницу 1544 г. в одной из лиссабонских церквей поэт с первого взгляда полюбил тринадцатилетнюю девушку, Катарину де Атаиде, впоследствии ответившую на

его нежное признание резким отказом. Черная тоска охватывала Камозэнса, приходили мысли о самоубийстве. Не исключается, что примерно в это время он дрался на дуэли. Как бы там ни было, поэт безумствовал до такой степени, что ему было отказано от королевского двора. В 1547 г. Камозэнс вступил в армию и два года прослужил в Сеуте, где при стычке с марокканцами лишился правого глаза. Дома, в Лиссабоне, дамы стали насмехаться над его увечьем, и Камозэнс примкнул к бесчинствовавшей шайке «золотой молодежи», по-прежнему не оставляя надежды получить какую-нибудь государственную службу. Но при дворе его не желали замечать. Затем во время уличной потасовки он ранил дворцового слугу и очутился в темнице. Прощение было даровано при условии, что поэт на пять лет пойдет в солдаты и отправится служить в Индию. Условие чуть ли не равнялось смертному приговору, ибо в том же самом году лишь один из четырех отпльвших в Индию кораблей благополучно достиг места своего назначения.

В 1553 г., через шесть месяцев после того, как судно покинуло Лиссабон, показался Гоа – португальская твердыня, основанная д'Албукерки и населенная ста тысячами жителей. Оттуда Камозэнс отправлялся в военные походы, чтобы приструнивать мелких прибрежных царьков – индусов и мусульман. Он плавал с армадой, вернувшейся в Аравийское море, чтобы затем подняться по Красному морю и Персидскому заливу, где следовало обуздать пиратов, которые на протяжении всей истории оставались настоящим бичом тамошних вод. А следующая охота на морских разбойников привела Камозэнса к Африканскому Рогу, в Аденский залив и восточноафриканский порт Момбасу. Ненадолго вернувшись в Индию, поэт опять ступил на корабельную палубу: теперь было приказано плыть к востоку, к Молуккским островам и Макао. Жизнеописание Камозэнса можно читать как отчет о полицейских действиях португальцев в незадолго до того созданной океанской империи. Все, что довелось пережить Камозэнсу, вплетается в последнюю песнь «Лузиады», напитанную духом экзотических приключений и глубочайшей тоски по дому – той неповторимой печали, общей всем португальским морякам, что зовется у них *saudade*.

Значительную часть поэмы Камозэнсу пришлось переписать заново. Текст пострадал в 1559 г., когда поэт, взятый соотечественниками под стражу, возвращался из Китая в Индию. Корабль потерпел крушение в устье реки Меконг (территория нынешней Камбоджи). Камозэнс доплыл до берега, прижимая к груди уцелевшие листы рукописи, все свои пожитки и деньги оставив на борту.

Как и почему он оказался узником, так и не выяснено. Скорее всего, это было итогом какой-то интриги; а возможно, Камозэнс, вынужденный жить среди людей задиристых и неугомонных, допустил какую-нибудь оплошность. Он сумел возвратиться в Гоа через Малакку. Там, оправданный и освобожденный из-под стражи, Камозэнс разжился деньгами взаймы и направился в Мозамбик, где провел еще два года, будучи не в силах возратить свой долг. И пропитание, и одежду, и деньги на дорогу в Португалию поэту пришлось просить у друзей. Единственным сокровищем, которое он привез домой после семнадцатилетних скитаний, была завершенная рукопись «Лузиады». Покинув лиссабонскую пристань, Камозэнс первым делом отправился посетить могилу Катарины. Рыцарскую верность своей возлюбленной он сохранил до конца.

«Лузиады», напечатанные в 1572 г., принесли Камозэнсу королевскую пенсию, но беды его и невзгоды не закончились. Поэма призывает возродить имперский дух, ибо вторжение короля Себастьяна в Марокко закончилось разгромом португальских войск и последующим их уничтожением. Несколькими годами позднее, в 1580-м, Камозэнс умер в Лиссабоне от чумы – неженатый и одинокий. В доме не нашлось даже простыни, чтобы накрыть покойника. Обернули Камозэнса заемным саваном, а похоронили в общей могиле. Три столетия спустя предполагаемые останки поэта перенесли в португальский национальный пантеон – причудливый, увенчанный многими шпильями монастырь иеронимитов (Белен, западный

Лиссабон). Здесь останки Камозэнса покоятся в каменной, украшенной изваяниями гробнице, залитой желтым солнечным светом, струящимся сквозь цветные стекла величественных витражей. Бок о бок с Камозэнсом лежит Васко да Гама, получивший бессмертие благодаря поэту.

Великое воодушевление, с которым написаны «Лузиады», приводит на память и другой великий иберийский эпос – «Дон Кихота», вышедшего в свет спустя три десятка лет, в 1605-м и 1615-м. Оба произведения были выплавлены в тиглях почти невыносимых испытаний и страданий, выпавших на авторскую долю. Мигель де Сервантес, подобно Камозэнсу, вступил в войско и сражался в морской битве при Лепанто (1571), неподалеку от западных берегов Греции. Из битвы Сервантес вышел с навсегда изувеченной левой рукой. Четырьмя годами позднее, по дороге домой, в Испанию, он угодил в лапы берберийским пиратам, стал рабом и собственностью владыки Алжира. Проведя в рабстве пять лет, несколько раз неудачно пытавшийся бежать, Сервантес волей-неволей уплатил за себя выкуп, дотла разоривший его семью. Хотя предметы обоих эпосов полностью различны – «Лузиады» страстно воспевают имперские завоевания, а «Дон Кихот» пародирует рыцарские романы и высмеивает странствующее рыцарство, – обе книги являют собой великое и дерзкое, деятельное путешествие по карте земного шара.

В зачине поэмы Камозэнса утверждается, что португальцы намного выше древних греков и римлян, ибо португальцам «поклонились и Марс и Нептун» [46]. Но все же автор отдает должное древним на всем протяжении поэмы уже одним тем, что использует классические античные образы. Древние божества – исполненные красоты, очарования и блистательных противоречий – помогают предрешисть исход морского странствия. Вакх пытается помешать португальским корабельщикам, а Венера и Марс благоволят к ним. Эта глубокая связь со средиземноморской мифологией, согласно оксфордскому ученому Боуре, дает возможность отнести поэзию Камозэнса к светской словесности Возрождения – даже при том, что «Лузиады» можно толковать как утверждение христианства после долгого мусульманского засилья на Средиземном море и Леванте.

Камозэнс, как и сама Португальская империя, полон противоречий. Он – первый из новых авторов, последний из средневековых. Вслед Боуре его можно назвать гуманистом, поскольку поэт осуждает злодеяния некоторых португальских завоевателей, хотя и мусульман зачастую изображает красками черными и едкими. Он говорит о «гнусном Магомете» [47]. Ислам для Камозэнса – нечто варварское и растленное, сочетающее в себе «хитрость и притворство» [48]. Добродетельны только те мусульмане, что помогают португальцам, ибо столкновение, изображаемое Камозэнсом, – ни больше ни меньше как борьба света против тьмы [49]. Камозэнс порицает Реформацию за то, что она разделила христиан именно тогда, когда им следовало объединяться против исламской угрозы. Вместо того чтобы сражаться с папой римским, намекает поэт, им следовало бы драться с турками.

Поэма славит имперские португальские захваты, но отношение самого Камозэнса к этим захватам бывает двусмысленно. Он негодует по поводу честолюбия и тщеславия, признаёт, что насильственное насаждение христианской религии может привести к новым ужасам. Как он пишет:

Фантазии бесплодной предаваясь,
Свирепость ты геройством объявило
И, суетой безумной упиваясь,
Подвергнуть жизнь опасности решило.
Сомнительной отвагой отличаясь,
Ты цену жизни, видно, позабыло,

Хоть в смертный час ей свято дорожил
И Тот, Кто жизнью всех нас одарил [50].

В том, как португальцы силой заставили Индийский океан войти в соприкосновение с Европой и Западом, немного прекрасного или романтического. Это были чудовищные и многотрудные деяния, полные мук, потрясений и свирепости. Камознсовы «Лузиады» – прекрасная тому иллюстрация. Поэма напоминает: сердца завоевателей почти всегда оказываются надорваны. Чем больше португальцы захватывали, тем меньше они могли удерживать за собой. Индийский океан довольно мал в культурном отношении, однако чересчур велик в отношении пространственном, чтобы даже в нынешний век реактивных самолетов одна-единственная держава могла подчинить его себе. Португальские завоевания – подобно последующим голландским и английским – отражают как динамизм, так и безрассудство, присущие всем империям. Португальцы преподают урок, а Соединенным Штатам следовало бы его выучить.

Глава 5

Белуджистан и Синд

Географические карты завораживают по самой своей природе, а поэзия Камюэнса кроме всего прочего прекрасна еще и тем, что властно притягивает читателя к ним. Часто, когда мне требовалось вдохновение или хорошая мысль, я обращался к географической карте. Возьмите карту Макранского побережья в Пакистане, протянувшегося от иранской границы к востоку, вдоль Аравийского моря и до самого Карачи, близ границы с Индией. Слово «Пакистан» указывает, казалось бы, на Индийский полуостров, или субконтинент. Но с точки зрения географической или культурной тут можно и возразить. Собственно субконтинент начинается лишь на берегах реки Хаб, в нескольких километрах западнее Карачи, неподалеку от устья реки Инд. Поэтому, глядя с географической и культурной точек зрения, почти 650-километровое Макранское побережье, тянущееся в пределах Пакистана, составляет обширную «переходную область». Повсюду заметен отчетливый средневосточный отпечаток – особенно аравийский: ибо напротив, на другом берегу Оманского залива, расположен Маскат. Арабы впервые вторглись в Макран в 644 г., всего лишь через 22 года после Хиджры [1]. Эта «переходная область», пограничная с Аль-Хиндом – Индией, – включает в себя Макранский берег, сопредельные внутренние области и зовется Белуджистаном. Именно по этим исхлестанным волнами, щелочным пустошам шагало к западу 18-тысячное войско Александра Македонского, двигаясь от поречья Инда к Персии – во время катастрофического отступления из Индии в 325 г. до н.э.

Белуджистан – особенно южная, прибрежная часть его – дикий и косматый, тюрко-иранский племенной пасынок Среднего Востока. Десятки лет он фыркал и скрежетал зубами под властью более темнокожих, более цивилизованных и (как утверждают) более смекалистых и расторопных пенджабцев, обитающих вблизи индийской границы, на кишашем людьми северо-востоке Пакистана. В сущности, пенджабцы заправляют всем пакистанским государством. Но чудится: до людских муравейников, высящихся на густонаселенном Индийском полуострове, отсюда, из Аравийского Пакистана, отнюдь не близко. Ехать на машине вдоль Макранского побережья – значит вновь оказаться среди овеваемых ветрами, дышащих привольем равнин, похожих на те, что мы уже видали в Омане и Йемене, где исполинские, зубчатые скальные кряжи цвета наждачной бумаги встают прямо из песков, усеянных кустами верблюжьей колючки. Здесь, на берегах столь пустынных, что вам мерещится лязг македонских доспехов, человека всецело поглощают геологические наблюдения. Грохочущее море бьется о безжизненные берега, над которыми высятся оранжевые песчаные дюны. Дальше в глубь суши этот почти неземной ландшафт сменяется черными нагромождениями застывшей лавы. Здешнее побережье мрачнее, чем дофарское; здесь ветры и сейсмические возмущения ведут свою летопись несколько иначе, создавая извилистые складки и выпячивания, порождая глубокие разломы и конические формации.

Проходит час за часом, а единственный признак цивилизации, иногда встречающийся вам на пути, – случайная чайхана: прокопченная каменная хижина, где проедем, желающим отдохнуть, предлагают джутовые *чарпои* (коврики-постели), затхлые иранские галеты и крепко заваренный чай. Исторически это более дикое и безлюдное побережье, чем оманское, – и оттого менее затронутое космополитическими влияниями Индийского океана. Сюда, к этим редким постоянным дворам, подъезжают со скрипом и скрежетом на своих старых автомобилях и мотоциклах белуджи, носящие арабские головные платки – *куфии*. Они говорят резкими гортанными голосами, а рокошующие ритмы их музыки гораздо ближе аравийским напевам, чем задумчивым, отчасти гнусавым песням Индийского полуострова.

Но не обманывайтесь: это Пакистан. Магистральное шоссе, ведущее из Карачи на запад, к иранской границе, вполне современно – лишь кое-где нужно залатать и замостить образовавшиеся выбоины. Часто попадаются правительственные контрольно-пропускные пункты, крупные военные базы – воздушные и морские – расширяются, соответственно, в Пасни и Ормаре: оттуда Пакистан может препятствовать проникновению индийской мощи на океанские просторы. Пакистанское правительство не в состоянии контролировать обширные пустоши и горные твердыни Белуджистана, населенные племенами контрабандистов, мятежников и разбойников (*дакойтов*). И все же правительство способно оказаться там, где захочет и когда захочет, – чтобы добывать полезные ископаемые, захватывать земли, строить шоссе и военные базы.

По мере того как правительство протягивает дороги и сооружает военные объекты, белуджей с индусами, составляющими национальное меньшинство, насильно сгоняют с облюбованных властями земель: правительство считает, что обе этнические группы втайне сочувствуют Индии. Честно говоря, в глазах индусов и белуджей Индия и в самом деле служит необходимым противовесом пакистанскому государству-угнетателю.

Когда я изучал карту Белуджистана – «грубого и обомшелого», как называли его первые искатели приключений из Британской Ост-Индской компании, – ничто не поразило воображения моего так, как Гвадар – портовый город, населенный 70 тыс. жителей и расположенный близ иранской границы на дальней оконечности Макранского побережья [2]. Если есть великие географические имена, принадлежащие прошлому – Карфаген, Фивы, Троя, Самарканд, Ангкор Ват – и настоящему – Дубай, Сингапур, Тегеран, Пекин, Вашингтон, – то Гвадар, по-видимому, станет одним из великих географических имен в будущем.

Попасть в Гвадар оказалось непросто. Требовалось особое разрешение от пакистанского Министерства внутренних дел – так называемый сертификат приемлемости. Почти две недели я дожидался этого дозволения – и в итоге оказался «неприемлем». Огорченный до предела, я все же сумел, обратившись за помощью к одному старому другу, обнаружить услужливого бюрократа, каким-то чудом ухитрившегося выправить мне разрешение за два дня. Поэтому благодаря самой своей труднодоступности Гвадар сделался для меня исключительно важен еще до приезда туда.

До 1958 г. Гвадар принадлежал Оману, а затем этот западный угол Макранского побережья уступили новосозданному государству Пакистан. В 1960-е, во время военной диктатуры Аюб-хана, Гвадар завладел воображением пакистанских государственных деятелей. Они рассматривали порт как военно-воздушный и военно-морской оплот, способный заменить Карачи. Также, вместе с Пасни и Ормарой, он вошел бы в состав целой вереницы баз, расположенных вдоль Аравийского моря и способных сделать Пакистан великой океанской державой в масштабах и субконтинента, и всего Ближнего Востока. Исключительно выгодное стратегическое положение Гвадара помогло бы Пакистану преодолеть собственную искусственную географию – по сути, дать целой стране другую судьбу. Но пакистанское государство было юным, бедным, неустойчивым. Инфраструктуры и государственные учреждения оставались еще слабыми. Так что расширения и развития Гвадару еще предстояло дожидаться.

В 1990-е гг. последовательно сменявшие друг друга демократические пакистанские правительства пытались совладать с возрастающим общественным и экономическим брожением внутри страны. Дело ухудшалось еще и тем, что росло население городских трущоб, а пресной воды становилось все меньше. В Карачи и других городах начался разгул насилия. Как ни поглощена была пакистанская политическая элита внутренними делами, проблемы Афганистана и связанные с ними вопросы о путях доставки нефти и газа оставались насущными и животрепещущими. Безвластие, воцарившееся в Афганистане сразу

после вывода советских войск, не позволяло Пакистану прокладывать дороги и трубопроводы к новосозданным нефтяным государствам Средней Азии. Наличие таких путей сообщения дало бы Исламабаду возможность расширить и упрочить мусульманский тыл, чтобы изолировать и сдерживать Индию. Конечным распределительным пунктом в подобной сети энергетических поставок стал бы Гвадар. Правительство премьер-министра Беназир Бхутто было столь озабочено обузданием афганского хаоса, что министр внутренних дел, отставной генерал Насрулла Бабар, рассматривал образовавшийся незадолго до того Талибан как ключ к решению пакистанских проблем. Правительство Бхутто снабжало Талибан деньгами, оружием, автомобилями, топливом, наполовину бесплатным продовольствием и добровольцами – выходцами из пакистанских медресе. Все это, вместе взятое, облегчило кабульским экстремистам захват власти в 1996 г. Конечно, Талибан обеспечил стране известную устойчивость и покой, но это был могильный покой – как с ужасом обнаружили Unocal (ныне не существующая калифорнийская нефтяная компания) и другие компании, намеревавшиеся протянуть через Афганистан трубопроводы от Каспийского моря и туркменских газовых месторождений близ Девлетабада в пакистанские гавани, дававшие выход к Индийскому океану.

Затем, в октябре 1999-го, генерал Первез Мушарраф пришел к власти в результате бескровного государственного переворота, который ускорили долгие годы вопиюще бездарного гражданского правления. В 2000-м он предложил китайцам подумать о том, чтобы финансировать строительство глубоководного порта в Гвадаре. Несколько недель спустя всемирно известного террористического акта, совершенного 11 сентября, китайцы дали согласие. Без особого шума и похвалы Гвадар сделался примером того, как начал меняться весь мир после ударов по Всемирному торговому центру. Изменения значительно отличались от тех, что желали бы видеть американцы и администрация президента Джорджа Буша-младшего. Китайцы истратили на портовое развитие 200 млн долларов. Первую стадию строительства завершили согласно графику, в 2006-м. А в 2007 г. подписали договор с ПСП (Правлением Сингапурского порта): ПСП будет заведовать Портом Гвадар в течение 40 лет. Гвадар наконец-то переходил из области мечтаний в действительность XXI в.

Вообразите себе шумный глубоководный порт, имеющий ремонтные доки и заправочные станции. Порт расположен на крайней юго-западной оконечности Пакистана и является скорее частью Среднего Востока, чем Индийского полуострова. К порту ведут магистральное шоссе, нефте- и газопроводы, тянущиеся на север, через весь Пакистан – и при этом прорезающие некоторые из высочайших в мире гор Каракорум. Шоссе и трубопроводы уводят в Китай, оттуда новые дороги и трубопроводы снабжают потребительскими товарами и нефтепродуктами увеселительные заведения, где развлекается зажиточный китайский обыватель, – заведения, работающие дальше к востоку [3]. Те же трубопроводы можно использовать, снабжая и развивая беспокойный, населенный мусульманами дальний китайский запад. Поистине порт Гвадар словно создан для того, чтобы сплачивать стратегические интересы Пакистана и Китая [4]. Тем временем другое ответвление магистральной сети энергетических поставок пошло бы из Гвадара на север, через Афганистан, который в будущем станет спокойным, и далее – в Иран и Среднюю Азию. Гвадарские трубопроводы шли бы к общей сети, раскинувшейся от Тихого океана до Каспийского моря. Таким образом, Гвадар становится пульсирующим средоточием нового «шелкового пути», проложенного по суше и по морю: мегапроект, врата, распахнутые в континентальную, богатую углеводородами Среднюю Азию, – это еще одно экзотическое название на картах XXI в.

История – череда злослучий и неудач наравне и вперемежку с великими свершениями. Когда я попал в Гвадар, тамошние провалившиеся начинания впечатляли ничуть не меньше, чем замыслы. Не столь невероятно выглядели футуристические планы городского развития, сколь повседневная городская действительность. Гвадар полностью оправ-

дал мои ожидания, он предстал величественным городом близ государственной границы, раскинувшимся на обширном, пересохшем от зноя полуострове, меж длинных рядов высоких, пепельно-серых утесов и морем цвета застоявшейся ржавой воды, льющейся из кухонного крана. Утесы – эти останцы плоскогорья, островерхие кряжи – мучат людской взор своей необычностью. Порт Гвадар, лежащий у их подножий, можно было бы принять издали за обширные прямоугольные развалины древнего ближневосточного города. Низкие, шелушащиеся белокаменные стены осторожно приподнимаются над почвой – среди барханов и мусорных груд. Там и сям, на кухонных стульях со сломанными спинками, под навесами из бамбука и мешковины, восседают люди, потягивая чай. Все одеты в традиционное местное платье – никаких синтетических тканей, завезенных с Запада. Мне припомнилась литография XIX в., выполненная Дэвидом Робертсом. Она изображала то ли Яффу в Палестине, то ли Тир в Ливане. Из водянистого белого тумана выплывали фелуки, доверху полные серебристой рыбой. Рыбу выбрасывали на пристань удачливые ловцы, облаченные в шальвары, камизы²⁸ и грязные тюрбаны. Из рыбацких карманов свисали наружу молитвенные четки.

И в самом деле Гвадар походил на некий вымышленный город, созданный мечтой – благодаря дымке, сливавшей море и небо, закутывавшей их в общую пелену. Если порт будет расширяться и достраиваться согласно рекламным заявлениям, похоже, что западным гостям, время от времени посещающим Гвадар ныне, повезло: они видят город в те последние дни, когда он еще смотрится почтенным рыболовецким поселением, похожим на Абу-Даби в Дубае и на прочие прославленные гавани Персидского залива – какими застал их британский исследователь Вильфред Тезигер в 1940–1950-е гг., прежде чем нефтяная лихорадка разбушевалась и переменяла все вокруг.

«Здесь жизнь идет в ногу с минувшим», – говорит о Дубае Тезигер, описывая нагих малышей, резвящихся на отмелях среди фелук, вооруженных бедуинов и «чернокожих рабов», кочевников-кашкайцев, носящих фески, и сомалийцев, чьи небольшие лодки только что приплыли из Адена. В Дубае Тезигер чувствовал себя неловко, будучи одет по-европейски [5]. Его повествование – урок: посмотрите, как быстро все может измениться.

Глубоководный порт, построенный китайцами, – с опрятными угловатыми сооружениями, новехонькими козловыми кранами и прочим грузоподъемным оборудованием – выглядел затаившимся в ожидании. Гвадар, способный принимать крупнейшие нефтеналивные суда, оставался безмолвным и пустым, ожидая, чтобы кто-то вынес решение в далекой пакистанской столице, Исламабаде. Мне показали макет предполагаемой обширной стройки: по городу протянутся усаженные деревьями бульвары, появится отель Marriott. «Возвращайтесь лет через десять или двадцать: это место будет выглядеть как Дубай. Вы не узнаете Гвадара», – уверял меня приехавший из Карачи бизнесмен. Однако гвадарский аэропорт оставался крошечным: не было даже багажного конвейера.

Казалось, там почти ничего не происходит – жизнь кипит разве что в таких местах, как рыбацья пристань. Я видел, как целые груды пойманной семги, форели, суповых черепашек, креветок, обычных и полосатых окуней, сардин и скатов ссыпались в плетеные корзины и отправлялись на берег при помощи сложной системы блоков. Большую, уже уснувшую акулу и меч-рыбу таких же размеров тянули веревками в обширный вонючий сарай – оптовый рыбный рынок, полный сверкающей скользкой добычи, то и дело шлепавшейся на окровавленный цементный пол рядом с ворохами скатов-мант. Терпеливые ослики, запряженные в тележки, стояли наготове, чтобы развозить все эти рыбные горы по всем городским рынкам. Пока строительство порта и трубопроводов не вступило в новую фазу, рыбо-

²⁸ Ш а л ь в а р ы – штаны, похожие на пижамные. Их собирают и подвязывают вокруг пояса и лодыжек, а поверх надевается к а м и з а – длинная свободная рубаха.

ловство здесь было исконным и главным занятием. А пристань являла собой лишь часть общей картины.

Неподалеку, на песчаном побережье, строили и чинили фелуки. Одни рабочие-конопатчики голыми пальцами втирали эпоксидную смолу в деревянные кузова, заделывая швы, а другие отдыхали, неспешно курили, устроившись в тени, бок о бок с облезлыми собаками и кошками. Несмотря на разглагольствования о геополитическом «мозговом центре», нигде не виднелось ни генераторов тока, ни электрических дрелей. Умельцы-корабелы сверлили судовые кузова вручную, своеобразными лучковыми коловоротами – чудилось, человек водит смычком по струнам. Протрудившись два месяца, несколько человек способны построить 12-метровую рыбацью фелуку, служащую примерно 20 лет. Тиковое дерево, идущее на постройку, ввозят из Бирмы и Индонезии. Извне и изнутри в кузов такой фелуки втирают тресковый жир, делающий древесину водостойкой. Новые лодки спускают на воду в первый и пятнадцатый день каждого лунного цикла, пользуясь высокими приливами. Так жила Аравия до недавнего времени.

Седобородый, увенчанный тюрбаном белудж-корабел Ас-Салем Муса поведал, что фелуки строили и его отец, и дед. Он со вздохом вспоминал «вольные» времена оманского правления в Гвадаре, ибо «в те дни мы плавали по всему Персидскому заливу, не зная запретов». Муса глядел в будущее с надеждой и опаской: перемены могли еще больше урезать свободу белуджей, если бы пенджабцы и прочие цивилизованные пакистанцы хлынули в Гвадар и полностью завладели городом. «Им надеяться не на что, – сказал мне пакистанский чиновник из Исламабада. – Современность покончит с их привычной жизнью».

На крытом рынке, среди напрочь обветшавших лавок, где торговали чаем, пряностями и бакалеей и красовались пыльные кувшины, полные лежалых сладостей, я встречал немало бородатых стариков, носивших тюрбаны и сожалевших о старом добром времени, когда Гвадаром правил оманский султан (отец Кабуса, Саид ибн-Теймур) и город процветал под его рукой – каким бы отсталым ни считался Оман. У многих этих стариков двойное оманско-пакистанское подданство. Они проводили меня по сонным улицам, под навесами из мешковины, мимо щербатых и осыпающихся саманных фасадов, мимо костлявых, голодных коров и коз, жавшихся к тени старых развалившихся стен, – проводили к бывшему дворцу, маленькому и круглому, с выступающими деревянными балконами. Там султан останавливался во время редких визитов. Дворец был таким же, как и все прочее в Гвадаре: готовым рухнуть у вас на глазах. И сквозь любой просвет между строениями виднелось слепополуденное море – теперь оно выглядело ярко, почти неестественно зеленым.

На другом побережье мне предстало странное зрелище: ослики – мельчайшие из всех когда-либо мной виданных – топали из воды на песок, волоча скрипучие тележки. Осликов погоняли мальчуганы, а тележки были доверху полны рыбой, выгруженной из лодок, покачивавшихся на волнах. Над каждой лодкой развевался черно-бело-желто-зеленый флаг Белуджистана. Крохотные ослики выходили прямо из моря! Гвадар был местом, где творились чудеса, волшебным зазеркалем, заповедником прошлого.

Словно для сопоставления, в нескольких километрах от городской черты, на просторе окружающих Гвадар пустошей, за оградами строительных площадок возникали новые промышленные зоны. Близ них виднелись поселки приезжих рабочих, ожидавших, когда же начнется строительство. «Только бы создать новый аэропорт! – сказал мне другой бизнесмен из Карачи. – А завершится следующая фаза создания портового комплекса – и вы увидите второе дубайское чудо». Но все, кто предрекал появление делового центра, сравнимого с Дубаем, упускали из виду одно важнейшее обстоятельство. Страны Персидского залива – и, в частности, Дубай – возглавлялись умными, умелыми и совершенно законными правительствами. И, поскольку править было нужно лишь городами-государствами, не вникая в дела

внутренних областей, этим правительствам не были свойственны слабости, присущие режимам, владычествующим в Пакистане, – военным и гражданским. В течение десятилетий пакистанские правители редко достигали успеха, мало того, население часто считало их настоящими узурпаторами. Вдобавок пакистанским владыкам нужно было управлять обширными горными областями и пустошами, где постоянно шли войны и вспыхивали мятежи.

Государства Персидского залива не появились в одночасье, не возникли ниоткуда. Их породило умелое правление в идеальных условиях – то самое, чего так отчаянно недоставало Пакистану.

Превратится Гвадар в узловую станцию нового «шелкового пути» или нет, всецело зависит от успеха Пакистана в борьбе за то, чтобы не стать государством, потерпевшим крах. Пакистан – «исламская бомба», страна, чьи северо-западные пограничные области кишат боевиками Талибана и Аль-Каиды, чьи города плохо пригодны для обитания, а территориально замкнутые народности – белуджи, синдхи, пенджабцы, пуштуны – вовеки не могли сплотиться на исламской основе. Пакистан уже привычно рассматривали как самое опасное государство мира – зародыш новой Югославии, обладающий ядерным оружием. Поэтому Гвадар сделался лакмусовой бумажкой не только в дорожном строительстве и прокладке трубопроводов; Гвадар – указательная стрелка стабильности во всем регионе Аравийского моря; то есть на половине пространства, занимаемого Индийским океаном и его побережьями. И, если бы Гвадар замедлил свое развитие, оставаясь тем, что западному гостю вроде меня казалось восхитительным рыбацким городком, это значило бы: пакистанские дела обстоят еще более тревожно, чем предполагалось, и вот-вот скажутся на сопредельных странах.

В мой «сертификат приемлемости» никто и не пытался заглянуть; я вполне мог посетить Гвадар безо всякого сертификата в кармане. Но через несколько дней мной заинтересовалась гвадарская полиция, настаивавшая, чтобы меня повсюду сопровождал грузовик, полный бойцов команды, одетых в черные комбинезоны и вооруженных автоматами Калашникова. Беседовать с людьми сделалось почти невозможно: мои полицейские телохранители тотчас окружали каждого, к кому я обращался. Делалось это якобы ради моей же безопасности... но в Гвадаре нет никаких террористов! – лишь бедные рыбаки-белуджи да их домочадцы. Туда непросто попасть, но среди множества мест, которые я посетил в Пакистане за девять долгих визитов, Гвадар был одним из тишайших.

Местное население откровенно недолюбливало полицию. «Мы, белуджи, хотим немного: жить свободно», – повторяли собеседники всякий раз, когда сопровождающие меня автоматчики стояли поодаль. Казалось бы, само предстоящее экономическое развитие Гвадара должно принести белуджам вожаемую свободу. Но, как мне разъяснили, чем шире будет экономическое развитие, тем больше появится китайцев, сингапурцев, пенджабцев и прочих чужаков – а они превратят город в настоящий международный порт, в перевалочный пункт. Кое-что свидетельствовало: если недвижимая и земельная собственность подорожает, белуджи не только не выиграют от повышения цен, а сплошь и рядом окажутся полностью отлучены от своей родной почвы.

Почтенный журнал The Herald, печатаемый в Карачи, опубликовал редакционную статью «Великий земельный грабеж» (The Great Land Robbery). В ней утверждалось, что гвадарский мегапроект «вылился в одно из самых крупных земельных мошенничеств за всю историю Пакистана» [6]. Журнал подробно изложил, каким образом влиятельные лица из Карачи, Лахора и других главных городов подкупали чиновников налоговой службы, приобретали с их помощью гвадарские земельные участки по бросовой цене, а затем дорого перепродавали компаниям, строившим жилые и промышленные сооружения. Действительно, десятки тысяч гектаров земли были незаконно отписаны гражданским и военным бюрократам, обитавшим вдали от Гвадара. Как следствие, необразованные и бедные гвадарские

белуджи оказались отрезаны от грядущего городского процветания. Как еще одно следствие, Гвадар сделался неким громоотводом ненависти белуджей к Пакистану, которым заправляют пенджабцы. Одно то, что Гвадар обещает стать мегасредоточием путей из Индийского океана в Среднюю Азию, грозит еще большей рознью внутри страны.

На Аравийском побережье Пакистана издавна кипят сепаратистские страсти. И белуджи, и синдхи – этнические и географические образования, имеющие историю богатую и почтенную. Внутри этих народов гораздо меньше противоречий, чем внутри государства, существующего на их земле с 1947 г. И для белуджей, и для синдхов независимость от Великобритании обернулась горькой иронией: сопротивляясь пенджабскому засилью долгие столетия, они внезапно очутились под властью пенджабцев, когда возникло новое государство – Пакистан. Если пенджабцы чтит историю о древних могольских правителях, то белуджи и синдхи рассматривали Великих Моголов как угнетателей – ибо, исключая периоды владычества Моголов, средневековых арабов и, в качестве краткой интерлюдии, Махмуда Газневи (XI в.), синдхи, например, оставались независимы; их страной, именовавшейся Синдху-Деш, правили местные династии [7].

Возобновились разговоры о грядущей конфедерации белуджей и синдхов. Их ненавязчиво поощряла Индия. Две области как бы дополняют друг друга: Белуджистан обладает природными ресурсами, а Синд – промышленной базой. За последние десятилетия 6 млн белуджей поднимали четыре восстания против пакистанской военщины, экономической и политической дискриминации. Самое страшное из четырех вооруженных столкновений, в котором сражались примерно 80 тыс. пакистанских солдат и 55 тыс. белуджских воинов, длилось с 1973 по 1977 г. Белуджи вспоминают о тех временах со страхом и гневом. Как пишет Зелиг С. Гаррисон, эксперт по южно-азиатским вопросам, в 1974 г. пакистанские войска, «разъяренные неспособностью обнаружить партизанские отряды белуджей, укрывавшиеся в горах, бомбили, расстреливали с воздуха и жгли напалмом поселки, где жило примерно 15 тыс. белуджских семей... пока не вынудили партизан покинуть свои убежища, чтобы встать на защиту женщин и детей» [8].

То, что Гаррисон определяет как «ползучий геноцид», продолжалось и в нынешние дни. Белуджи тысячами бежали в 2006-м из селений, атакованных пакистанскими реактивными истребителями F-16 и боевыми вертолетами «Кобра». Затем начались многочисленные, организованные правительством похищения молодых белуджей, исчезавших без вести. Совсем недавно по меньшей мере 84 тыс. людей стали беженцами в результате продолжающегося конфликта [9]. В том же 2006 г. пакистанские военные убили белуджского предводителя Акбар-хана Бугти. Коль скоро правительственная тактика ужесточилась, белуджские воины сплотились в истинное национально-освободительное движение. Пришло новое, лучше вооруженное поколение – образованных, зажиточных белуджей, выходцев из тамошней столицы, Кветты, и других городов. Средствами их снабжали соплеменники – белуджи, обитающие в странах Персидского залива. Этим бойцам удалось в существенной степени покончить с вековым проклятием белуджей, племенной междоусобицей, которую умели раздувать себе на пользу и пенджабцы из числа пакистанских военных, и другие притеснители.

Как сообщает International Crisis Group, Группа борьбы с международными кризисами, восстание вышло за региональные, племенные и классовые рамки [10]. Согласно заявлениям Пакистана, индийская разведка содействовала и поныне содействует белуджам, поскольку индийцы, безусловно, выигрывают от того, что пакистанские вооруженные силы скованы, противодействуя мятежникам-сепаратистам [11]. В качестве ответной меры пакистанские военные столкнули радикальные исламские партии со светскими националистами-белуджами. В регионе, где фундаменталистские страсти буквально кипят, «Белуджистан предстает, – по словам одного из белуджских деятелей, – единственной светской

областью между Афганистаном, Ираном и Пакистаном; землей, где никогда не было религиозного экстремизма» [12].

Белуджи составляют лишь 3,57 % от 172 млн жителей Пакистана, но львиная доля пакистанских полезных ископаемых, включая медь, уран, перспективные нефтяные и газовые месторождения, находится в Белуджистане. Хотя свыше трети пакистанского природного газа добывают именно здесь, Белуджистану достается лишь малая толика – из-за бедности; а ведь пакистанская экономика зависит от природного газа чуть ли не больше любой другой [13]. Вдобавок, поясняет Зелиг Гаррисон, верховное правительство не просто скудно платило провинциям за добытый природный газ, а еще и отказывало им в средствах, нужных для промышленного и общественного развития.

Получается, что скандал с гвадарскими земельными участками и боязнь того, что город приберут к рукам пенджабцы, завершают долгую повесть об угнетении. Желая попробовать происходящее на вкус, я повстречался в Карачи, на противоположной оконечности Макранского побережья, с одним из белуджских вождей-националистов.

Местом первой встречи стала закусочная Kentucky Fried Chicken в Клифтоне, одном из районов Карачи. У входа маячил наемный охранник, вооруженный дробовиком и резиновой дубинкой: в такие заведения фастфуда, от которых так и тянет американским духом, террористы уже бросали бомбы. Внутри сидели молодые люди, одетые как на западный лад, так и в отглаженные белые *камизы* и *шалвары*. Одни были свежевыбриты, другие, согласно мусульманским религиозным правилам, отращивали длинные бороды. При этих различиях на всех молодых людях лежал отпечаток цивилизованности. Перед каждым стояла жареная курица и стакан пепси. Молодежь почти не прекращала разговаривать по сотовым телефонам и набирать эсэмэски. Из громкоговорителей дребезжали гитары и гремели барабаны: звучала «бхангра», поп-музыка индо-пакистанских пенджабцев... В этот приют рафинированного общества неожиданно ворвались пятеро белуджей, на которых были мятые и грязные *камизы*, тюрбаны и пробковые шлемы. Под мышками у каждого были зажаты пачки газет, журналов и брошюр – в том числе и выпуск The Herald с редакционной статьей о Гвадаре.

Группу возглавлял генеральный секретарь Белуджского общества благосостояния Низар Белудж. У него были непослушные черные волосы и густые усы, а пальцы выбивали дробь на столешнице, пока Низар просвещал меня.

– Пакистанская армия, – начал он, – самый крупный захватчик земель. Она за гроши отдает пенджабцам все побережье Белуджистана. Пенджабские вояки носят мундиры, а на самом деле они – обычные террористы, – продолжил мой собеседник. – В Гвадаре их армия орудует как мафия: подделывает земельные реестры. Они говорят, будто у белуджей нет бумаг, подтверждающих землевладельческое право, – а мы здесь живем долгие столетия.

Низар добавил: он вовсе не против строительства и расширения, он сторонник диалога с пакистанскими властями, но...

– Но если мы заявляем о своих правах, они твердят: работаете на Талибан! Мы угнетенный народ...

Низар не повышал голоса, но выбиваемая пальцами дробь делалась чаще и громче:

– ...Дальше можно только сражаться, другого выхода нет. Весь мир сейчас говорит о Гвадаре. Все высокопоставленные политики этой страны замешаны в совершаемых тут преступлениях.

Затем он заявил:

– Как бы ни пытались они сделать из Гвадара второй Дубай – не получится. Встретят сопротивление. Будущим трубопроводам, протянутым в Китай через белуджские земли, несдобровать. Коль скоро нарушаются наши права, ничему и никому несдобровать.

Это не было случайной, пустой угрозой. Другие националисты говорили, что восставшие белуджи примутся подкарауливать и убивать едущих сюда китайских рабочих – и тогда всей гвадарской затее конец [14].

Наш разговор подготовил меня к встрече с Навабом Хаир-Бакш Марри, вождем белуджского племени марри, без малого 60 лет сражавшимся против правительственных войск. Незадолго до того пакистанские солдаты убили его сына²⁹. Марри принял меня в Карачи, на своей роскошной вилле: толстые внешние стены, исполинские растения, богатая и вычурная мебель, слуги и телохранители, отдыхающие на коврах, постеленных в саду. Марри был стар и сморщен, опирался на трость, носил длинное одеяние и бежевый пробковый шлем с широкими выемками, отличавшими его от шлемов, которые носят синдхи. Он угощал меня разнообразными местными лакомствами и говорил на грамматически правильном английском языке, слегка запинаясь и чуть шепелявя. В сочетании с одеждой и обстановкой это придавало Навабу известное величественное обаяние.

– Если мы продолжим сражаться, – мягко сказал он, – вспыхнет интифада, подобная палестинской. Меня ободряет и утешает мысль о том, что молодое поколение белуджей продолжит партизанскую войну. Пакистан не вечен. И вряд ли просуществует долго. Британская империя, Пакистан, Бирма – все это государства преходящие. После того как в 1971-м Бангладеш отделилась от Пакистана, – так же мягко и наставительно продолжил Марри, – единственным живым началом в стране осталась империалистическая мощь пакистанской армии. Восточная Бенгалия [Бангладеш] была важнейшей составной частью Пакистана. Бенгальцев было достаточно много, чтобы противостать пенджабцам, но вместо этого они отпали, зажили самостоятельно. И теперь белуджам осталось только драться.

По словам Наваба, кроме белуджей, он не любил никого в Пакистане и никому не верил. О Беназир Бхутто, синдхийке, возглавлявшей Пакистанскую народную партию, он был невысокого мнения. В конце концов, пояснил Наваб, это при ее отце, Зульфикаре-Али Бхутто, в 1970-х, «белуджей вышвыривали из летящих вертолетов, заживо хоронили в братских могилах, заживо сжигали; белуджам вырывали ногти, ломали кости... я не радовался, увидев ее у власти».

Я спросил: как насчет пенджабских предложений помириться с белуджами? «Мы говорим пенджабцам, – ответил Марри тем же ласковым, величественным голосом, – оставьте нас в покое, проваливайте, не надо нам ни вашего правления, ни ваших братских объятий. Коль скоро здешняя пенджабская оккупация, которой содействуют американские империалисты, не прекратится, наш народ исчезнет с лица земли».

Он пояснил: Белуджистан располагается на землях трех государств – Пакистана, Ирана и Афганистана – и потому в конце концов восторжествует, когда правительства этих стран ослабеют. По мнению Марри, гвадарская затея была всего лишь новейшей пенджабской хитростью – и тоже окажется преходящей. Белуджи попросту начнут минировать новые шоссе и трубопроводы, которые протянутся из Гвадара в будущем.

Он сыпал оскорблениями, отвергал политическую уступчивость – по-видимому, считал ее никчемной. Покидая виллу, я внезапно подумал: развитие Гвадара или его застой совершенно явно зависят от того, как поведет себя исламабадское правительство. Если оно так и не сумеет прийти к великому соглашению с белуджами – соглашению, способному оставить обозленных людей, подобных Низару Белуджу и Марри, то весь мегапроект, намеченный к воплощению близ иранской границы, превратится в очередной поглощенный пустыней город, осаждаемый или захваченный местными бунтарями. Впрочем, если бы к такому соглашению и пришли, позволив Белуджистану сделаться автономной областью в

²⁹ В ноябре 2007-го пакистанская служба государственной безопасности убила Наваб-заде Балача Марри, младшего из шести сыновей Наваба.

пределах демократического и децентрализованного Пакистана, увиденный мной патриархальный рыбацкий поселок превратился бы в клокающий Роттердам на Аравийском море и начал расширяться к северу, в Самарканд.

Ни тот ни другой путь не приемлемы.

Если Белуджистан – крайняя восточная полоса на землях Среднего Востока, во многом напоминающая Аравийский полуостров, то Синд и вьющаяся долина реки Инд, служащая территориальным рубежом, означают: здесь начинается настоящий Индостан – хотя, разумеется, история и география привносят дополнительные тонкости. Синд, подобно Макрану – хотя и в меньшей степени, – преддверие, а не четкая граница; земля, которую издавна захватывали всевозможные пришельцы. Например, в VIII и IX вв. его покорили арабы, которые затем повели торговлю по различным городам [15]. Наверное, лучше думать, что Индостан начинается не с некой пограничной черты, а с череды пограничных областей.

Слова «Индия» и «хинди» произошли от слова «Синдху» – так звали реку Инд. Имя реки зазвучало по-персидски как «Хинд», а в греческом и латинском языках, которыми разговаривали эллины и римляне – владыки античного мира, – как «Индус». Инд и прилегающая к нему внутренняя область Синд манили к северу, за сотни километров от обширного города-государства Карачи на берегах Аравийского моря, к плодородному Пенджабу и Каракоруму, что по-тюркски значит «Черные Камни»: головокруглительно крутым горным хребтам – отрогам Гималайских гор³⁰.

Эстетически Карачи раздражает – во всяком случае, для западного взора он малопривлекателен. Если европейским городам, почтенным местам людского обитания, присуща вертикальность, устремленность ввысь на замкнутом и сравнительно малом пространстве, то Карачи горизонтален – эдакий город будущего, с множеством небольших магазинов, обслуживающих отдельные кварталы, и почти отсутствующими признаками городского центра, как его понимают в Европе. Сидя в шашлычной, располагавшейся на крыше одного из домов, я созерцал разливы сточных вод, впадавших в соленую воду гавани, где, подобно динозаврам, высились козловые краны и лебедки. Если обернуться, можно было увидеть ряды обшарпанных, грязных жилых домов – коробок из серого цемента, украшенных фесто-нами сохнувшего на веревках белья. Все окутывала пепельно-маслянистая дымка. Жухлые пальмы и мангровые болота были огорожены грудями шлакоблоков. Городу не доставало сердцевин, он казался безликим. Нагромождения мусора, камней, грязи, кирпичей, автомобильных покрышек и засохших древесных пней помогали размечать внутригородское пространство. Наемные охранники были многочисленны и вездесущи – как и лавки, торгующие спиртным, и радикально-исламские медресе, в которых я уже бывал, приезжая сюда прежде. Впрочем, противоречия этого города делались одним из его положительных свойств. Карачи свободен от оков, налагаемых неизгладимым историческим прошлым на прочие индостанские города. Оттого он имеет лучшие возможности для коренных изменений в следующие десятилетия, может обратить себе на пользу нынешние всемирные тенденции городского быта и архитектуры. Все мы знаем Карачи как рассадник террора – это неоспоримо, но столь большой город всегда многолик. Он скорее интересовал меня, нежели отталкивал.

Карачи стал обширной строительной площадкой, куда текут деньги из государств Персидского залива, но, похоже, ни один проект не согласуется с другими архитектурно. Высокие мраморные стены вокруг вилл, напоминающих крепости, оснащенных системами сигнализации, охраняемых вооруженными людьми, подсказывают: в городе скрываются большие богатства. Крикливо блистательные магазины и ресторанные сети западного образца маячат

³⁰ «Пенджаб» означает «Пятиречье», то есть: Беас, Рави, Джелам, Сатледж и Чинаб, как их зовут на языке урду, испытавшем сильное влияние персидского. Все они берут начало в горных гималайских озерах.

среди обширных трущоб, по которым поочередно рыщут целые орды бродячих псов и стаи взъерошенных ворон. Женщины, убранные золотом и драгоценными камнями, облаченные в тонкие шелка ядовитой раскраски, движутся по тем же тротуарам, что оборванные калеки: горбуны, безрукие и безногие. Благодаря смешению нищеты и роскоши здешние кварталы бывают лучше или хуже лишь относительно, а не просто хорошими и скверными. Те, что получше, носят пустые, ни о чем не говорящие имена: Клифтон, Дефенс и тп.

При малом числе вертикальных преград голос муэдзина, призывающего мусульман к молитве, слышен везде: клич разносится по открытым городским пространствам беспрепятственно, как приливная волна. Лишенный традиций, подобных лахорским, зато кипящий межнациональными стычками синдхов и мухаджиров (мусульманских иммигрантов из Индии), пуштунов и белуджей, в грядущем этот порт на Аравийском море окажется открыт воздействию двух динамичных сил: ортодоксального исламского вероучения и бездушного материализма – привносимых соответственно из Саудовской Аравии и Дубая. Впрочем, по сравнению с не столь далеким Маскатом Карачи казался обратной стороной луны. Маскат, четко разграниченный по районам, ослепительно белый, изысканно застроенный в изящном стиле Великих Моголов, говорил – посредством строго традиционной восточной архитектуры – о крепком и просвещенном государстве, оберегающем свои города от темных сторон глобализации. Что до Карачи, то глобализация, казалось, поглотила его. В отличие от Омана, здесь почти не чувствовалось государственной власти. В этом смысле Карачи был чисто пакистанским городом. В отличие от Лахора и громадных индийских городов, построенных Великими Моголами, Карачи оставался замкнутым прибрежным городком с 400 тыс. жителей, а разросся в 16-миллионный мегаполис, не имеющий, однако, ни собственного лица, ни славного прошлого.

Половина горожан ютилась в трущобах, известных под местным названием *катчия-баади*. Городская потребность в водоснабжении удовлетворялась едва ли на 50 %, к тому же возникали постоянные перебои с подачей электрического тока – в Карачи их отчего-то зовут «передышками» [16]. И все же, подумалось мне, Карачи может выручить сама разношерстность его населения. В конце концов, это морской порт, где обитают деятельные индусы. Кроме того, он имеет зороастрийскую общину, оставляющую своих покойников на съедение стервятникам в «башнях безмолвия», которыми венчаются вершины особых холмов. Никакой религиозный фундаментализм не зайдет в Карачи слишком далеко: его обуздают приверженцы иных верований. Близость моря, привносящего разнообразные противоречивые веяния, присущие Индийскому океану, могла бы надежно защитить Карачи от его же собственных худших особенностей.

Невзирая на привычные межнациональные столкновения, город обычно казался мирным. Однажды я вел машину мимо глубоко врезающихся в сушу морских заливов и прудов, полных соленой воды, мимо старых, шлакоблоковых, заброшенных зданий с шелушащимися вывесками (прежде там были магазины) – мимо воплощенной мерзости запустения – и вдруг увидел целое сборище семей, отдыхавших на пляже мыса Манора. Люди наслаждались могучим аравийским прибоем: гулким, вскипавшим бурой пеной, – причалов и пристаней, способных служить волнорезами, там не существовало. Только что закончился джума-намаз – пятничная мусульманская молитва. Песчаный берег был чист – в отличие от большинства прочих уголков Карачи, – дети разъезжали вдоль берега на верблюдах, устроившись в прихотливо расшитых седлах. Семьи теснились группами, улыбались, фотографировали друг друга. Подростки собирались вокруг заржавленных ларьков, торговавших рыбой и напитками. Некоторые женщины пользовались помадой и румянами, носили модные *камизы* и *шальвары*; большинство куталось в длинные черные одежды.

Я припомнил иное зрелище, несколькими годами ранее – в йеменском порту Мукалла, километрах в 600 западнее Дофара. Местный пляж делился надвое: одна половина отводи-

лась для мужчин и мальчиков-подростков, другая – для женщин и малышей. Лицо каждой женщины скрывала чадра, большинство мужчин были бородаты. Безмятежное место общего отдыха, где толпы правоверных пролетариев радовались первому дыханию вечернего бриза [17]. Западу – особенно Соединенным Штатам – не оставалось ничего другого, как только мирно сосуществовать с подобными толпами. Это была сама всемирная мощь, неброская и спокойная, отдыхавшая в лоне глубокой животворной веры.

Обе сцены дышали уютной простотой, хотя в Карачи пляж выглядел несколько более космополитическим. Индуистский храм – бурый, причудливый, разрушающийся – высился на заднем плане, словно часовой. Здесь я мог вообразить себе Карачи как небольшой рыбацкий городок, где существует свобода вероисповеданий, как некий спутник Мумбая (Бомбея) и других городов на западном индийском побережье – как нечто, чем Карачи и надлежало бы стать по праву, не подвергшись он архитектурному разгрому. Видно было: едва лишь возник мусульманский Пакистан, и Карачи оказался отрезан от Индии, порт утратил органическую связь со всеми прочими центрами индийской цивилизации. В итоге он превратился в изолированный исламский город-государство, лишенный обогащающего влияния многосторонней индуистской духовности. И оттого, даже раздавшись вширь, Карачи не обрел достаточной вещественности. Не исключено, что глобализация в духе Дубая и других стран Персидского залива в конце концов принесла бы Карачи благо. Потеряв Индию, порт получил бы взамен тесное общение с Персидским заливом.

Саид-Мустафа Камаль, молодой мэр Карачи, говорил о создании центра информационных технологий, который превратил бы город в «перевалочный пункт» при обмене полезными идеями, возникающими на берегах Персидского залива и в Азии [18]. Имелись и другие взгляды на будущее Карачи – не шедшие полностью вразрез с точкой зрения молодого мэра, но скорее соответствовавшие воззрениям белуджей относительно собственной земли. Предполагалось, что Карачи способен сделаться столицей независимого – по крайней мере, автономного – Синда; причем ни Пакистан, ни Индия не рассматривались как последнее слово в политической организации, по-человечески приемлемой для полуострова Индостан.

Мне припомнилось: в минувшие времена Синд оставался под чужеземной властью 6000 лет – и, будучи расовой смесью арабов, персов и прочих приходивших и уходивших завоевателей, сохранил крепкое историческое и культурное своеобразие. Синд числился в составе Бомбейского президентства, оставался провинцией Британской Индии до 1936 г., после чего сделался самоуправляемой областью, подотчетной округу Нью-Дели. К Пакистану Синд присоединился не столько потому, что Пакистан был мусульманским, сколько потому, что новое государство пообещало Синду автономию, которой область дожидается и поныне. «Вместо этого, – дружно повторяли мои собеседники, – мы превратились в пенджабскую колонию». По убеждению националистов-синдхов, побережья Аравийского моря могли бы еще вернуться к своему допортугальскому средневековому прошлому, разделиться на царства и княжества. В минувшем Кабул и Карачи были так же неразрывно связаны с Лахором и Дели, как Дели с Бангалором и остальными районами Южной Индии. В этой среде обитания с помощью глобализации, – говорили собеседники, – синдские сунниты и шииты могли бы вести дела, соответственно, с Саудовской Аравией и Ираном без принудительного исламабадского посредничества.

Как ни яростно звучали некоторые из этих голосов, гнев их был объясним и целенаправлен. Людей сердила крайняя централизация политической власти в государстве. Многолюдный штат Пенджаб, расположенный в глубине страны, заправлял всем, и это высасывало из Пакистана жизненные силы.

Я разговаривал с Али-Гассаном Чандио, вице-председателем Прогрессивной партии Синда, сидя в пустой комнате, где по стенам шныряли ящери-гекконы. В распахнутые

окна веял муссон. Несколько кварталов отделяло нас от места, на котором некая дубайская фирма собиралась выстроить торговый центр и жилое многоэтажное здание. То небольшое, что в Карачи оставалось от минувшего, стирали с лица земли. Чандио заговорил со мной о Мохаммеде-Али Джинне, основателе Пакистана, задумывавшем государство, где люди любых национальностей обрели бы права. Однако Джинна умер вскоре после рождения Пакистана, и военные прибрали к рукам всю власть. «В Индии переворотов не приключалось, а в Пакистане то и дело объявляли военное положение. Мы хотим, чтобы пенджабские вояки разошлись по казармам. Синдхи вольются в состав Пакистана, если он станет демократической страной, как Индия. Индия, – подчеркнул Чандио, – невзирая на все тамошние войны, убийства и насилие, и до сих пор являет Южной Азии государственный образец для подражания». Подобно всем белуджским и синдским националистам, которых я встречал на пакистанских берегах Аравийского моря, он с открытым одобрением отзывался об Индии, которую и он, и прочие рассматривали как союзницу в борьбе с государством, где синдхи чувствовали себя узниками. Все националисты высказывались в пользу открытой границы с сопредельным индийским штатом Гуджарат – наиболее экономически подвижной областью Индии, куда притекает четверть частных и государственных капиталовложений. Сама близость и сила Гуджарата напоминали белуджам и синдхам о собственной плачевной участи.

Башир-хан Куреши, руководитель Прогрессивного фронта «Синдхи живы!», принял меня в своем доме на восточной окраине Карачи. Ветер гнал по улице использованные плаستيновые пакеты. Всюду летали и шныряли вороны. В наших пепельницах громоздились окурки. Громко гудел вентилятор. Голос Башир-хана, крупного красивого человека, без труда заглушал это гудение.

– Пакистан по природе своей – сущее нарушение договора, – сказал Куреши и поведал государственную историю с точки зрения белуджского и синдхского меньшинства, особое внимание уделяя отделению Бангладеш в 1971 г.: бенгальцы вдохновили своим примером остальные меньшинства, мечтавшие о лучшей жизни. Еще один-единственный переворот в Пакистане, – объявил собеседник, – и на землях Синда и Белуджистана вспыхнет гражданская война.

Возможно, сыграла роль угрюмая, безрадостная обстановка, в которой мы разговаривали, – казалось, комнату вот-вот погребут под собой раскаленные пески пустыни, – однако я не согласился с суждениями Куреши. Они были слишком уж прямолинейны и четки и выглядели осуществимыми, лишь если вы полагали, будто синдхи – преобладающее и сплоченное единство людей, поддающееся аккуратному отделению от Пакистана. Это не так, ибо даже в самом Карачи синдхи составляли меньшинство. Когда страна разделилась, миллионы индийских мусульман (мухаджиров) бежали сюда и создали собственные политические объединения. Кроме них имелись пуштуны, пенджабцы, индусы и другие меньшинства. Стычки, приключавшиеся в прошлом, свидетельствуют: синдхи могли бы настоять на своем только в итоге успешных уличных сражений. Мы еще не учитываем раскола внутри самой синдхской общины, деления на шиитов и суннитов, также время от времени приводившего к свирепым потасовкам. Из-за превратностей миграции в последние десятилетия синдхи стали – по крайней мере, внутри Карачи – неким отвлеченным понятием: подобно белуджам в Кветте, где это произошло из-за притока пуштунов. Со временем Карачи, как и Гвадар, мог бы превратиться в автономный город-государство. Синд и Белуджистан сумели бы получить автономию в демократическом, гораздо менее жестко управляемом Пакистане будущего. Однако я почувствовал: Пакистан, каков он ныне, отнюдь не канет в историю мирно и спокойно. Погромы и резня в государстве Великих Моголов и средневековых княжествах померкнули по сравнению с тем, что может произойти теперь: главным образом оттого, что городское население разноплеменно и перемешано. Чтобы этого не случилось, грядущ-

щие десятилетия должны сделаться временем создания особо хитрых и утонченных политических структур.

Мохаммед-Али Джинна, Каид-и-Азам (Отец Народа), создатель государства, которое многие считают самым взрывоопасным на свете, погребен посреди обширного, безукоризненно ухоженного сада в центре Карачи. Сад настолько прекрасен и совершенен, что, зайдя в него, особенно остро чувствуешь, насколько беден и хаотичен окружающий город. Мавзолей увенчан округлым куполом, слегка утопленным в мраморные, склоняющиеся внутрь стены. Геометрия гробницы так сурова, от нее так веет кубизмом, что на ум поневоле приходят всевозможные отвлеченно гладкие понятия, связанные с идеологией и политикой. Почти вызывающе роскошный мраморный интерьер наводит на мысли о супермаркетах или местах беспопытной торговли в новейших аэропортах Персидского залива. Это строение порождает в человеке смешанное чувство тревоги и странной пустоты. Как неуместно и неподходяще выглядит подобный мавзолей среди обшарпанного, беспорядочного Карачи, так и созданное Джинной образцовое государство по сей день предстает неуместным в условиях нашего беспорядочного мира.

По моим наблюдениям, в Пакистане три школы мысли относительно Джинны. Первая, официальная, провозглашает его великим поборником мусульманских прав, жившим в XX столетии, – кем-то вроде Мустафы-Кемаля Ататюрка. Вторая, которой придерживаются немногие отважные пакистанцы и многие западные умы, утверждает: Мохаммед-Али Джинна был тщеславным человеком, неудачником, бездумно породившим чудовищную нацию, – которая, кстати сказать, в последние десятилетия немало способствовала афганскому разгулу насилия. Третья школа мысли всего любопытнее – и, по-своему, всего опаснее для государства, – ибо наиболее обоснованна.

Согласно ей, Джинна был весьма непростым человеком из Индии, интеллектуалом лондонско-бомбейской закваски, единственным сыном гуджаратского купца и уроженки Карачи – женщины из племени парсов. Подобно Ататюрку – выросшему в питательной космополитичной среде греческих Салоник, а не в узкоисламском анатолийском мире, которым впоследствии правил, – Джинна был продуктом утонченного культурного окружения, присущего Великой Индии, а потому в глубине души оставался человеком светским, неверующим. И все же он считал: мусульманское государство необходимо, чтобы защитить меньшинство от произвола правящего большинства. Сколь бы ни заблуждался Джинна, каким бы ни был политическим оппортунистом, ему удалось создать государство, способное, как Турция времен Ататюрка, сохранить светский дух, будучи населенным преимущественно мусульманами. Оно осознавало бы ценность ислама, не будучи всецело подчинено шариату. Скажем больше: это могло быть государство, где области в огромной степени обладали бы автономией. Тем самым признавался бы замкнутый национализм пуштунов, белуджей и синдхов.

Как я упомянул, эта школа мысли всего опаснее с официальной точки зрения, ибо недвусмысленно ставит под сомнение саму природу государства, построенного исламбадским правящим классом – генералами и политиками. Поскольку Джинна умер в 1948-м, вскоре после возникновения Пакистана, можно лишь гадать о том, как развивалась бы страна, проживи ее создатель подольше. По всей вероятности, ключевые принципы, исповедовавшиеся Каид-и-Азамом, были отринуты. Пакистан сделался не умеренно-терпимым государством, а душной исламской средой, в которой экстремизм вознаграждался политическими уступками и дарованными преимуществами, пока военные и политические партии наперегонки стремились дорваться до власти. Спиртное запретили, сельские школы для девочек сожгли дотла. Что до автономии, она была мифом. Собеседники – белуджи и синдхи – вполне доказали мне это.

Гробница Джинны походит на двухмерную, плоскую театральную декорацию – как походит на нее и весь Пакистан, обладающий только внешними признаками государства. Чего стоит одна лишь могольско-сталинская архитектура правительственных зданий в Исламабаде! А в глазах многих народов, населяющих эту страну, Пакистан существует незаконно.

«Полуостров Индостан дал миру одного-единственного либерального, светского политика: Мохаммеда-Али Джинну. [Махатма] Ганди был обычным британским агентом из Южной Африки, сладкоречивым реакционером. Но после того как Джинна умер, нами правили и правят эти гангстеры, наемники пенджабцев – американские прихвостни. Вы знаете, отчего Инд обмелел: пенджабцы воруют нашу воду в верховьях реки! Синд – единственное древнее и законное государство в Пакистане».

Оратора зовут Расул-Бакш Палиджо. Он синдх, левый националист, которого сажали за решетку и демократические, и военные правители Пакистана. Еще до нашей с ним встречи в 2000 г. несколько человек предупредили меня: Палиджо – самый разумный политический собеседник и спорщик в Хайдарабаде (город, расположенный выше по течению Инда, к северо-востоку от Карачи). Я вернулся в 2008-м снова повидаться с Расулом-Бакшем и узнать, насколько изменились его воззрения. Воззрения пребывали незыблемыми. Дом Расула-Бакша стоял за высокими стенами, у конца дороги, на кромке пустыни. Как и в первый приезд, я ощутил предельную оторванность от мира. Лицо Расула-Бакша по-прежнему было худым и правильно очерченным, волосы так же спадали на плечи густой белоснежной гривой. Дом оставался ветхим, наскоро построенным приютом с расшатанной мебелью и насквозь пропыленными коврами. Один угол гостиной заполняли изображения Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Ленина, Хо Ши-Мина и Наджибуллы – просоветского афганского вождя, правившего в 1980-е. Когда я посетил Палиджо десятью годами ранее, он сказал, что постоянно читает все великие марксистские труды. Я полубопытствовал: а что читаете нынче? Расул-Бакш упомянул книгу, написанную профессорами Стивеном Уолтом и Джоном Мирстеймером: «Израильское лобби и внешняя политика США» («The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy») – спорное сочинение, опубликованное в 2007-м и утверждающее, что избыток деятельного сочувствия Израилю опорочил американскую внешнюю политику.

Затем собеседник прочитал мне лекцию о «разбойничьих шайках», «пенджабских паразитах», «империалистических пигмеях», «американских фашистах» и «жидо-капиталистическом Талибане», дружно сосущих кровь из народа синдхов. Все: и *мухаджир*ы, и пуштуны, и белуджи – были в его глазах «американскими марионетками». Более спокойно он рассказывал о золотом веке – заре нового времени, когда правили Великие Моголы. «Моголы не были ни ханжами, ни мракобесами. Они женились на индусах. У них служили военачальники-индусы. Бездомные, безродные, в душе они оставались кочевыми тюрками». По-видимому, именно эту эпоху желал бы воскресить Палиджо. Если бы только, приговаривал он, Пакистан мог исчезнуть и раствориться в еще более многонациональной Индии!

Палиджо олицетворял собой тупик, в котором очутился этнический национализм. Для Расула-Бакша все земное бытие сводилось к упрощенной и злобной теории заговора. И он, и другие националисты, которых я повстречал, – белуджские и синдские – в конечном счете являлись продуктами долгой военной диктатуры, почти не оставлявшей людям возможности свободно обмениваться мыслями, а приемлемым политическим взглядам и приемам – укореняться и развиваться. Вместо общепринятых политических уступок по правилу «живи и давай жить другим» возникли непримиримые идеологические разногласия и дикие лозунги вроде «либо мы, либо они».

Справедливости ради заметим: военные завладели Пакистаном отнюдь не случайно. Пакистанские земли раскинулись на пустынных рубежах Индийского полуострова. Британ-

ское административное правление простиралось только до Лахора, находящегося в плодородном Пенджабе, возле восточной границы Пакистана с Индией. Остальной Пакистан – суровые приграничные области Белуджистана, Северо-Западная Пограничная провинция, щелочные пустоши Синда, лежащие вдали от Индского поречья, горные массивы Гиндукуш и Каракорум, охватывающие Кашмир, – вовеки не покорялись ни Британии, ни какому иному государству. По большей части эти края пребывали вопиюще заброшенными в сравнении с остальной Британской Индией. Когда 7 млн мусульманских беженцев покинули Индию, чтобы осесть на землях нового порубежного государства, роль военных стала решающей. Поскольку в этой глуши все определяется принадлежностью к определенному племени или народу, штатские политики при каждом подходящем случае создавали некий бюрократический форум, чтобы свести счеты либо вступить в неаппетитную сделку с кем-нибудь. Если в прошлом люди выменивали себе колодцы или участки пустыни, то в новом государстве штатские чиновники обменивались мельницами, сетями электроснабжения и транспортными системами. Время от времени перед военными вставала необходимость устраивать «чистку», однако они не делали этого сознательно, ибо армия успела превратиться в могущественное продажное государство внутри государства. Общественное сознание прочно связало армию с одним-единственным народом – пенджабцами; это обстоятельство и подстегивало различные виды национализма, тяготеющего к раздробленности.

Дальнейшего выбора у Пакистана не было. Следовало отвергнуть военную диктатуру, даже если это значило годы и годы жить под властью еще более продажного, неумелого и неустойчивого гражданского правительства. Лишь неизбежность гражданского правления – как бы ни было оно неудовлетворительно – позволила Индии постепенно вырасти в исполина, обеспечивающего разным областям государства должный покой. Пакистану – в отличие от стран Персидского залива, с их просвещенными и хваткими семейными диктатурами, и от Индии, с ее почтенной демократией, – предстояло особо сложное политическое будущее. И, подобно мятущейся Бирме на северо-востоке Бенгальского залива, Пакистан – простирающийся посреди прибрежной суши между Индией и Персидским заливом – владеет ключом к устойчивому спокойствию в регионе Аравийского моря.

Здесь, как и в Омане, побережье не существует само по себе. Проникнешь во внутренние области – узнаешь больше. Карта манила меня к северу, вверх по течению Инда, в самое сердце страны Синд.

Татта, город к востоку от Карачи, – одно из последних мест, откуда можно бросить взгляд на Инд перед тем, как река разветвится широкой дельтой вдоль индо-пакистанской границы. Говорят, что, именно здесь войско Александра Македонского расположилось на отдых перед походом к западу вдоль Макранского берега. Перед самым началом нового муссона поречье Инда представало выжженной местностью с растрескавшейся почвой. Широкие, словно море, воды реки вихрились, минуя отмели, – бурые воды, совершенно мертвенного оттенка: даже более мертвенного на вид, чем пепельно-серый, который обычно именуют мертвенным. Столь безрадостен был великий животворный поток, что и свежестью от него не веяло: царил удушливый зной. Инд сворачивает за Таттой на север и струится в этом направлении сотни километров. Речная долина издавна была густо населена, и местную цивилизацию можно сравнивать с древнеегипетской и ассииро-вавилонской, существовавшими на берегах Нила и в междуречье Тигра и Евфрата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.